

### Ш. Начало городской жизни.

Старинныя общины европейской Греціи. Древнѣйшій литературный источникъ греческой исторіи, Гомеръ, изображаетъ намъ общество уже сдвинувшимся съ исконнаго патріархальнаго положенія; театръ его дѣятельности большею частью за предѣлами старой родины; порядки его жизни представляютъ отчасти сознательный разрывъ съ прошлымъ. Гесиодъ до извѣстной степени возвращаетъ насъ назадъ, къ отечественнымъ формамъ быта грековъ, покинутымъ гомеровскими героями, хотя и тутъ, на родинѣ, какъ мы видѣли, пошли большія переменны. Гесиодова картина общества архаичнѣе, чѣмъ Гомерова, но и она не даетъ намъ чистой, безпримѣсной, нетронутой старины. Мы должны, однако, попытаться возстановить эти ранніе порядки для того, чтобы лучше уяснить переменны, происшедшія какъ отъ ухода гомеровскихъ витязей, такъ и отъ послѣдующихъ выѣздовъ и предпріятій греческаго купечества и демиурговъ. Для возстановленія старины единственный источникъ—учрежденія, обычаи и названія, уцѣлѣвшіе въ позднѣйшемъ быту; они служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ иллюстраціей цѣпкости ранняго патріархальнаго строя.

Безъ колебанія можно сказать, что старинныя общины были гораздо мельче позднѣйшихъ. Движеніе дружинъ за море и было первымъ случаемъ болѣе крупныхъ соединеній; герои впервые командовали надъ значительными для своего времени группами людей; рамки ихъ свить были шире племенныхъ, клановыхъ и общинныхъ границъ. Дальнѣйшимъ этапомъ въ развитіи политическихъ группировокъ были большія соединенныя (синоклизированныя) общины, въ родѣ Аѳинъ или Спарты, которыя въ свою очередь составились или изъ самого завоеванія, или подъ давленіемъ военныхъ набѣговъ и передвиженій.

Что такое представляла маленькая старинная община? Какъ она относилась къ древнимъ племеннымъ или клановымъ дѣленіямъ? Въ Аѳинахъ впослѣдствіи была традиція, что населеніе старинной Аттики дѣлилось на четыре филы; во главѣ каждой стоялъ филобасилей.

Можно ли признать именно въ этихъ филахъ древнѣйшія общины? Хотя фила (φῦλον или φυλή) и значить племя, но весьма сомнительно, чтобы въ данномъ случаѣ филы составляли замкнутыя племенные группы. Дѣло въ томъ, что, кромѣ Аттики, тѣ же четыре названія филъ встрѣчаются и въ другихъ іонійскихъ общинахъ. Едва ли эти повторенія названій объясняются тѣмъ, что іонійцы дѣлились изстари на четыре племени и что всюду, куда бы ни двинулась іонійская эмиграція, въ группѣ переселенцевъ непременно участвовали равномѣрно всѣ четыре племени; едва ли поэтому въ Атикѣ филы были первоначальными составными единицами, изъ которыхъ сложилась потомъ большая община. Вѣрнѣе допустить, что филы образуютъ сами позднѣйшее искусственное дѣленіе цѣлой общины; повтореніе однихъ и тѣхъ же названій въ разныхъ іонійскихъ поселеніяхъ, вѣроятно, — результатъ подражаній и заимствованій. Есть еще одно основаніе считать филы за произведеніе административнаго искусства: позднѣйшіе реформаторы, въ родѣ Клисѳена сикіонскаго и его внука, Клисѳена аѳинскаго, находятъ вполне возможнымъ мѣнять названія филъ, передвигать ихъ составъ или ихъ очередь по рангу, даже отмѣнять старое дѣленіе и устанавливать новыя группировки, которыя они безъ колебанія опять называютъ филами. Они явно имѣютъ дѣло съ легко сдвигаемыми единицами, которыя, въ свою очередь, установлены болѣе ранними администраторами.

Стоитъ замѣтить, что если политики не боялись видоизмѣнять филы, то никто никогда не пытался производить перестановки надъ фратріями. Видимо, во фратріяхъ мы встрѣчаемся съ союзами гораздо болѣе старинными и исконными. Фратрія буквально значить братство, слѣдовательно, возможно, что онѣ примыкали къ кланамъ, которые мы вообще въ правѣ причислять къ древнѣйшимъ организаціямъ общества. Во фратріи, въ противоположность филѣ, были какія-то внутреннія связующія начала, она составляла живую корпорацію. Въ этомъ смыслѣ, какъ мы видѣли, фратрію характеризуетъ у Гомера старикъ Несторъ: по понятіямъ людей патріархальнаго склада, въ фратріи нѣтъ гражданской жизни; надо быть членомъ братскаго союза, чтобы быть членомъ общества. Старинный гражданскій авторитетъ фратріи виденъ и въ раннемъ аѳинскомъ строѣ, какимъ онъ дожилъ до реформы Клисѳена, т. е. до конца VI вѣка; чтобы вступить въ число гражданъ, надо было войти въ одну изъ фратрій; фратрія также узаконяла гражданскія права лицъ, рѣдившихся въ средѣ тѣхъ семей, которыя принадлежали къ ея составу. Слѣд., больше всего основаній именно во фратріи видѣтъ древнюю маленькую общину.

Теократическій характеръ раннихъ общинъ. Во фратріяхъ сильно

выражено религиозное начало. Братства составляли жертвенныя товарищества, и есть основаніе думать, что они часто возникали вокруг мѣстныхъ святилищъ, изъ которыхъ многія потомъ приобрѣли болѣе широкую популярность. Въ одномъ мѣстѣ была какая-нибудь древняя могила героя и хранились его останки; въ другомъ была священная роща или пещера, гдѣ происходили гаданья или воспринимались таинственные вѣщія голоса, и слагался понемногу постоянный оракулъ; наконецъ, въ иномъ хранилось особенно цѣнное изображеніе божества или какой-либо чудотворный его фетишъ. Жившая около такого святилища группа людей могла получать отъ него немалыя матеріальныя выгоды: къ святому мѣсту направлялись богомольцы, которые платили хранителямъ святыни и вообще мѣстному населенію за продовольствіе и за доступъ къ божеству, къ творимымъ его силой чудесамъ. Недаромъ вся ранняя исторія общинъ полна усобицъ изъ-за похищенія останковъ и древнихъ идоловъ: дѣло шло о самыхъ крупныхъ въ то время богатствахъ.

Изстари, повидимому, при такихъ святилищахъ прочно утвердились семьи наиболѣе опытныхъ, особенно угодныхъ божеству почитателей или вопрошателей его: онѣ сосредоточили въ своихъ рукахъ уходъ за священной могилой, куренье и жертвы, подносимыя божеству, завѣдованіе кассой богомольческихъ взносовъ и приношеній. Авторитетъ такихъ семей закрѣплялся по наслѣдству: изъ нихъ составлялись жреческіе роды. Долго еще впослѣдствіи онѣ сохраняли свое привилегированное положеніе при извѣстныхъ старинныхъ культахъ. Въ Элевсидѣ обряды въ честь Деметры могла исполнять лишь фамилія Эвмолпидовъ. Культъ Аѣины, чтимой въ аѣинскомъ акрополѣ, состоялъ въ вѣдѣніи рода Бутадовъ. Можно представить себѣ, что въ раннюю пору эти жреческія фамиліи держали въ зависимости окрестное населеніе: иные разряды ремесленниковъ находили заработокъ въ исполненіи заказовъ на храмъ, въ строительныхъ, декоративныхъ и другихъ работахъ; ближніе крестьяне за благословеніе божества и волшебныя услуги его служителей обязывались взносами на святилище; при возможности жрецы присвоивали себѣ распоряженіе полевыми или лѣсными участками, объявляя ихъ священной землей и принадлежностью божества. Владѣнія бога становились вѣчнымъ и неприкосновеннымъ имуществомъ, а священники—его распорядителями. Можно опять, указать остатки жреческаго хозяйства въ позднѣйшемъ быту; таковъ былъ, напримѣръ, еще въ V вѣкѣ въ Аѣинахъ запретъ касаться сокровища богини Аѣины, лежавшаго въ кладовой Пароенона на акрополѣ. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, фратрія становилась маленькой теократіей; экономическая и религиозная зависимость массы «братьевъ» отъ

жреческаго рода, заправлявшаго имуществомъ и культомъ бога, въ ходѣ времени силою обычая закрѣплялась въ видѣ властнаго авторитета, признаваемаго всей округой. Возможно, что священная особа правителя, передававшаго свою власть по наслѣдству, уже изстари носила титулъ βασιλεύς.

Повидимому, древній басилевсъ былъ жрецомъ и судьей, но не имѣлъ военной власти. По крайней мѣрѣ, такое заключеніе можно вывести изъ титуловъ, которые носили члены старинной коллегіи архонтовъ въ Аѣнахъ. Второй по рангу архонтъ назывался басилевсъ; это былъ предсѣдатель религіознаго суда Ареопага; слѣдующій за нимъ, третій архонтъ назывался полемархъ (военный начальникъ). Названія должно быть, указываютъ на распредѣленіе функцій въ древнія времена: если рядомъ съ басилеемъ требовалось избраніе особаго военачальника, то, очевидно, басилевсъ не могъ командовать на войнѣ. Въ качествѣ судей басилеи выступаютъ и у Гесиода, а въ его изображеніи отразились довольно старинные порядки.

**Старинный религіозный судъ.** Авторитетъ древнихъ духовныхъ судей былъ непохожъ на власть позднѣйшихъ свѣтскихъ сановниковъ. Въ немъ не было элемента принудительности: судьи выступали въ качествѣ посредниковъ между тяжущимися лицами, или, если имѣли дѣло съ врагомъ общества, ихъ приговоръ являлся только оракуломъ, возвѣщеніемъ воли божества. Кое-что изъ картины древняго суда осталось въ позднѣйшемъ аѣнскомъ уголовномъ процессѣ.

Прежде всего, крайне любопытно, что въ Аѣнахъ убійство судилось въ пяти разныхъ мѣстахъ. Въ центрѣ города, на холмѣ Ареопага, около котораго жили страшныя Эриніи, духи, поднимающіеся изъ пролитой крови, судили убійцъ-злоумышленниковъ. За чертой города въ Палладіи, храмѣ богини Аѣины, судили неумышленныя убійства; въ Дельфиніи, въ храмѣ Аполлона Дельфинійскаго, судили совершившихъ убійство на «законномъ основаніи», т.-е. въ самозащитѣ или при захватѣ злодѣя на мѣстѣ преступленія. Далѣе, на берегу моря у гавани Пирея, въ мѣстѣ, называвшемся Фреатто, собирались судьи, чтобы судить изгнанника, не имѣвшаго права вступитъ на почву Аттики и отвѣчавшаго имъ съ борта корабля. И, наконецъ, въ Пританеѣ, т.-е. зданіи, гдѣ собирался городской совѣтъ, въ случаѣ неизвѣстности убійцы, собирался курьезный судъ, скорѣе совѣтъ волшебства, который приговаривалъ орудія убійства къ уничтоженію или удаленію изъ страны <sup>1</sup>. Изъ этихъ мѣстъ, по крайней мѣрѣ, первыя три составляли несомнѣнно старинныя храмовыя убѣжища, отмѣченныя какимъ-нибудь религіознымъ событіемъ или присутствіемъ божества. Укрывшись въ часовнѣ или у алтаря, убійца искалъ спасенія отъ угрожав-

шей ему мести родственниковъ и дожидался, пока сойдутся члены религіознаго суда, т.-е. жреческая коллегія, состоявшая при данномъ убѣжищѣ.

Интересны также нѣкоторыя черты судебного процесса Ареопага, открывающія намъ картину производства древняго религіознаго суда. Дѣло начиналось съ того, что надъ обвиняемымъ произносилось отлученіе (*πρόβρισις*): его выключали отъ храма и рынка. Далѣе происходило символическое и клятвенное состязаніе: убійца становился на «камень обиды», а обвинитель противъ него, на «камень непримиримости»; между ними клали разрѣзанную на-двое жертву. Оба клялись въ истинности своихъ утвержденій, и каждый призывалъ проклятіе на своего противника и на весь его родъ. Позднѣйшій ходъ дѣла въ Ареопагѣ, который былъ преобразованъ въ свѣтскій судъ и выдавалъ осужденнаго «мстителемъ», закрылъ отъ насъ первоначальную практику религіознаго судилища. Вѣроятно, старинные судьи возвѣщали волю бога, утверждали проклятіе въ случаѣ виновности и назначали обряды очищенія, если признавали убійцу невиновнымъ.

Древній судъ не зналъ никакихъ матеріальныхъ наказаній. Его карательныя мѣры сводились къ отлученію, изгнанію и проклятію. Судьи-жрецы становились на ту точку зрѣнія, что пролитіе крови—грѣхъ противъ боговъ, и что убійца не можетъ приблизиться къ богамъ, участвовать въ поклоненіи имъ, пока не очистится отъ оскверненія. Они предписывали извѣстныя церемоніи, обряды примиренія съ духомъ убитаго, но, помимо покаянія, они могли также наложить извѣстнаго рода самобичеванія или работы, тяжкія и обидныя, перѣдко предписать работу на тотъ самый храмъ, гдѣ виновный нашель убѣжище. Идея оскверненія пролитой кровью и возможность очиститься лишь путемъ искупленія столь сильна, что по стариннымъ понятіямъ даже боги должны подчиняться общему правилу. Богъ Аполлонъ, убивая чудовище, злого демона Пиэона, совершаетъ подвигъ, и все же онъ долженъ очиститься, искупить грѣхъ кровопролитія. Въ смыслѣ искупительныхъ актовъ толковали ту унижительную рабскую службу, которую по мѣстамъ несетъ тотъ же Аполлонъ, затѣмъ его товарищъ по винѣ, Посейдонъ, далѣе Гераклъ и т. д. Понятіе это отразилось и въ эпосѣ. Согласно разсказу Эіюпиды, поэмы Арктина, разработавшей мотивы троянской войны, Ахилль, убившій Эерсита, бѣжитъ на чужбину не только для того, чтобы укрыться отъ преслѣдованій, но и для того, чтобы совершить очистительныя церемоніи и примирить съ собой боговъ.

У старинныхъ судей не было физическихъ средствъ, чтобы заставить грѣшника каяться и совершать очищенія, исполнять предписан-

ныя службы и работы. Въ случаѣ уклоненія отъ обрядовъ ему грозило отлученіе отъ религіозныхъ актовъ, а дальше, какъ крайняя мѣра,—выключеніе изъ фратріи. Последнее уже влекло за собой матеріальныя послѣдствія: отлученный лишался покровительства боговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ охраны союза, къ которому онъ принадлежалъ; его предоставляли врагамъ, какъ беззащитную жертву. Мы невольно вспоминаемъ, какъ страшно звучитъ въ устахъ Нестора ἀφρήτωρ, отлученный отъ фратріи.

**Вторженіе военнаго права въ жизнь общинъ.** Если мы вѣрно нарисовали бытъ старинныхъ маленькихъ теократическихъ общинъ, то можно себѣ представить, какимъ рѣзкимъ нарушеніемъ всѣхъ обычаевъ и понятій этой тѣсной среды были выѣзды и набѣги дружинъ, предводительствуемыхъ героями. Конечно, уходъ самыхъ сильныхъ и подвижныхъ людей общины уже раньше и задолго подготавливался; уже давно молодежь плохо подчинялась наслѣдственнымъ священнымъ властямъ и собиралась вокругъ своихъ собственныхъ вождей, избранныхъ помимо утвержденія со стороны традиціонныхъ авторитетовъ. Выѣздъ дружины часто, вѣроятно, составлялъ конецъ общины, главныя силы которой исчерпывались удаленіемъ молодой вольницы; съ другой стороны, большой успѣхъ новаго вождя могъ привести къ его возврату домой, и тогда онъ предписывалъ условія нѣсколькимъ маленькимъ общинамъ заразъ, т.-е. соединялъ подъ своей властью порядочную территорію.

Но могло случиться, что теократическая община находила въ себѣ самой силы для преобразованія въ духъ новыхъ военныхъ условій. Она перенимала тогда у безпокойныхъ удальцовъ ихъ военную организацію и выставляла, рядомъ со своими старыми мирными должностями, новыхъ носителей власти военнаго типа, полемарховъ. Если судить по примѣру Аѳинъ, власть басилея сильно пострадала не только отъ водворенія конкурентной должности полемарха, но и сама по себѣ. Старинный «царь» въ Аѳинахъ былъ наслѣдственнымъ правителемъ изъ рода Нелеидовъ. Легенда говоритъ, что послѣ героической смерти царя Кодра въ столкновеніи съ напиравшими на Атику дорянами было рѣшено отмѣнить наслѣдственную власть и замѣнить ее выборной, сначала пожизненной, затѣмъ срочной. Любопытно, что катастрофу царской власти преданіе именно связываетъ съ военнымъ выступленіемъ общины, отмѣчая этимъ главный мотивъ, который повелъ къ ограниченію традиціоннаго авторитета царя. Въ Аѳинахъ пошли еще дальше въ смыслѣ превращенія общины изъ теократической въ свѣтскую. Рядомъ съ двумя должностями, старой, басилея, и новой, полемарха, и до извѣстной степени надъ ними былъ поставленъ главный

или первый начальникъ, по имени котораго потомъ считались годы (*ἄρχων ἐπώνυμος*). Политическая переменна могла принять и другой видъ: судейско-жреческій титулъ бисилея могъ перейти на военнаго вождя. Такъ переименованы уже гомеровскіе герои, дѣйствующіе на окраинѣ греческаго міра. Таковы же въ метрополиі бисилеи Аргоса и Спарты.

Въ жизнь общинъ глубоко вторгаются нравы военной среды. Самое замѣтное нововведеніе воителей, это—ихъ уголовное право, выражающееся въ кровной мести и выкупѣ. Прежде въ наукѣ выводили кровную месть изъ какой-то глубины народной патріархальной жизни и связывали съ древнимъ родовымъ бытомъ и съ культомъ умершихъ предковъ. Въ настоящее время подобные взгляды приходится покинуть. Съ одной стороны, родовой бытъ, какъ мы видѣли, вовсе не общенародное явленіе, а специальная форма весьма замкнутой аристократической среды; съ другой—культъ предковъ имѣетъ мало отношенія къ кровомщенію. Илиада ярко иллюстрируетъ происхожденіе мести изъ военнаго быта: Ахиллъ мститъ за Патрокла не потому, что это его родственникъ, а потому, что убитый—его товарищъ и названный братъ; они единокровны не въ силу условій рожденія, а потому, что запечатлѣли кровное единство совмѣстной борьбой, принадлежностью къ самому тѣсному союзу, который возникаетъ именно у людей военной среды. Выкупъ, матеріальное вознагражденіе близкихъ убитаго или потерявшаго, уже давно ничего общаго не имѣетъ съ родственными чувствами или съ преклоненіемъ передъ общими предками. Это—коммерческая операція, которая возникаетъ изъ своеобразныхъ условій усобицы; иногда нападающій можетъ очутиться въ невыгодномъ положеніи, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, и тогда близкіе убитаго могутъ впасть въ соблазнъ содрать выгоду съ убійцы, удовлетворить свое корыстолюбіе насчетъ павшей жертвы.

Такъ или иначе воители навязываютъ выработавшіеся среди нихъ формы и порядки всей общинѣ. Они заставляютъ должностныхъ лицъ разбираться въ условіяхъ кровной мести и градаціяхъ выкупа. Благодаря этому, древній религиозный судъ на Ареопагѣ получаетъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ, вопрошанію боговъ и установленію очистительныхъ церемоній, еще дополнительную функцію: онъ санкціонируетъ кровную месть и передаетъ избличеннаго и схваченнаго убійцу въ руки тѣхъ, кто объявилъ себя мстителями. Въ то время, какъ старый религиозный судъ отличался мягкостью, бережнымъ отношеніемъ къ жизни человѣка, новый обычай принесъ на Ареопагъ, мѣсто священнаго убѣжища и покаянія, правило войны и усобицы: око за око, зубъ за зубъ.

Къ VII вѣку теократическій строй всюду въ Греціи оттѣсненъ и забытъ. Тамъ, гдѣ жрецы сохранили свой авторитетъ, благодаря извѣстности святилища, оракула или культа, они вынуждены искать покровительства крупныхъ свѣтскихъ и военныхъ общинъ, становиться въ тѣнь, подчиняться имъ. Въ такое положеніе относительно большой аѳинской общины сталъ Элевсинъ въ Атикѣ, знаменитый своими мистеріями въ честь подземныхъ боговъ. То же самое случилось съ Олимпіей, гдѣ установились популярнѣйшія въ Греціи игры; она должна была подчиниться большой общинѣ элейцевъ. Наконецъ, великій Дельфійскій оракулъ и заправлявшая имъ жреческая коллегія, существовали, главнымъ образомъ, поддержкой могущественной Спарты, хотя тутъ и не могло произойти территоріальнаго соединенія, благодаря раздѣлявшимъ ихъ географическимъ преградамъ.

**Начало колонизаціи.** Гомеровскія поэмы рисуютъ бытъ тѣхъ греческихъ областей, которыя лежали у моря и были захвачены подвижной, безпокойной, воинственной и торговой жизнью. Въ связи съ этимъ изображеніемъ интересно отмѣтить географическій кругозоръ, которымъ располагаетъ Гомеръ: ему хорошо извѣстны всѣ берега Эгейскаго моря, онъ знаетъ проливы, ведущіе въ Черное море, ему знакомы путешествія въ Сидонъ, сношенія съ Кипромъ и Финикіей, наконецъ, извѣстенъ и Египетъ. На первый взглядъ кажется, что у Гомера нѣсколько окутаны сказочнымъ покровомъ берега и острова западной части Средиземнаго моря. Но есть изслѣдователи, находящіе, что подъ видомъ грота нимфы Калипсо, острова богини Кирки и т. д. Гомеръ далъ поразительно вѣрные описанія запада, именно Сициліи, Мальты, Балеаръ и т. д., а слѣд., представилъ доказательство того, что греки уже посѣщали въ его время эти мѣстности <sup>2</sup>. Есть даже основанія думать, что упомянутая въ каталогѣ кораблей Иліады Алиба, страна Гализоновъ, т.-е. опоясанныхъ моремъ, гдѣ «родится серебро» <sup>3</sup>, есть Испанія. Такимъ образомъ, гомеровскія поэмы уже намѣчаютъ тотъ обширный кругъ, который захватила колонизація грековъ. Предпріятія гомеровскихъ витязей и составляютъ первые ея шаги. Преданія не даромъ называютъ основателями колоній нѣсколькихъ героевъ троянской войны. По сказанію выходитъ, что витязь, возвращаясь, послѣ долговременной осады Трои, домой, не былъ принятъ своими единоплеменниками, влѣдствіе чего и отправился съ дружиной отыскивать себѣ новую родину. Сказаніе, можетъ быть, и перестанавливаетъ, и удваиваетъ моменты и мотивы дѣла. Не потому уѣхалъ витязь, что его не приняли дома при возвратѣ, а съ самаго начала онъ долженъ былъ оторваться, пойти въ эмиграцію, потому что ему не было мѣста на родинѣ. Не два раза онъ выѣзжалъ изъ дому, а лишь одинъ разъ и притомъ съ той

цѣлью, которая связана, по сказанію, съ его вторымъ невольнымъ вѣздомъ.

Первоначальные мотивы эмиграціи, ухода въ колоніи, были тѣ же, что во всѣхъ странахъ и во всѣ другія времена. Они уже обрисовались передъ нами въ фигурахъ дѣятелей героическаго вѣка: недовольство стѣснительными порядками домашней среды, пробужденіе жадности къ новымъ богатствамъ, исканіе новыхъ путей наживы, усиленіе личной предприимчивости, увѣренность безпокойной молодежи въ томъ, что она сама лучше устроится на новомъ мѣстѣ. Извѣстную роль должны были сыграть племенные передвиженія, происходившія въ европейской Греціи. Преданія рассказываютъ о появленіи суровыхъ сѣверныхъ племенъ, тессалійцевъ, которые вторглись изъ Эпира въ большую сѣверо-восточную равнину Греціи, отъ нихъ получившую названіе Тессаліи, и дорянъ, которые прошли изъ Средней Греціи въ Пелопоннесъ. Тѣ и другіе всполохнули мѣстное населеніе и заставили его сдвинуться. Тессалійцы потѣснили эолянъ, и тѣ потянулись сѣвернымъ краемъ Эгейскаго моря къ Лесбосу и Троядѣ. Доряне обрушились на іонійцевъ и лишь небольшая часть іонійскаго племени удержалась въ Атикѣ; остальная масса передвинулась на острова Эвбею, Киклады, Хиосъ, Самосъ и заняла середину западнаго берега Малой Азіи, которая и получила названіе собственно Іоніи. Эпосъ въ лицѣ мореходныхъ феаковъ изображаетъ намъ колонистовъ, ушедшихъ въ чужой край отъ преслѣдованія сильныхъ воинственныхъ, сосѣдей: феаки, вынужденные бросить свою «просторную» родину, выбираютъ, ради безопасности, островъ, удаленный отъ другихъ поселеній. Гомеръ даетъ нѣсколько реальныхъ подробностей къ основанію колоній: вождь феаковъ строить укрѣпленный городъ, возводитъ храмы и распредѣляетъ землю между поселенцами<sup>4</sup>. Сами доряне, вытѣснившіе и покорившіе болѣе старинныя греческія племена, двинулись позднѣе за море въ томъ же восточномъ направленіи, которое избрали эолійскіе и іонійскіе колонисты. Дорійскіе переселенцы заняли южную окраину Эгейскаго моря, о. Кіееру, Мелосъ, берега Крита, Родосъ и вытянувшіяся впереди юго-западнаго части малоазійскаго берега, такъ назыв. Карію.

Это были только первые шаги разсѣянія народа греческаго. Изъ круга Эгейскаго моря распространеніе греческихъ поселенцевъ пошло далеко по всѣмъ четыремъ странамъ свѣта. Къ тѣмъ переселеніямъ, которыя собственно считаются основаніемъ колоній, необходимо еще присоединить массовый уходъ грековъ въ качествѣ наемниковъ на службу крупныхъ восточныхъ государствъ, Ассиріи, Вавилона, Египта. Мотивы для ухода этихъ людей были тѣ же самые, что и у колонистовъ въ

собственномъ смыслѣ. Воители продолжали подъ чужими знаменами свое привычное ремесло. Ихъ вознагражденіе получалось изъ военной добычи, которая и составляла цѣль ихъ выѣзда. Они обыкновенно не возвращались домой, а оставались на мѣстѣ своей службы, часто получали военные надѣлы и поселялись въ качествѣ ленниковъ въ отведенныхъ имъ территоріяхъ.

Различіе между наемниками и собственно колонистами состояло не въ томъ, что они руководились разными мотивами при уходѣ, а въ томъ, что переселявшіеся дружины встрѣчали на новыхъ мѣстахъ неодинаковыя условія. Тамъ, гдѣ воители высаживались въ предѣлахъ большого организованнаго государства, они могли только произвести временный разгромъ, но не въ силахъ были удержать за собою занятую территорію; тамъ между правительствомъ державы, на которую напали греки, и пришельцами устанавливалось соглашеніе, какъ потомъ между римскою имперіей и германскими ордами; опаснымъ иноплеменникамъ давали порученіе защищать границу и брали ихъ на свое содержаніе. Иначе въ тѣхъ краяхъ, гдѣ греческіе переселенцы не встрѣчали сопротивленія, въ областяхъ, заселенныхъ полудикими племенами, какъ это было, напр., у Чернаго моря или въ Сициліи, или на почвѣ слабыхъ кантоновъ, управляемыхъ теократіями, какъ это было въ Малой Азіи. Здѣсь возникали именно тѣ поселенія, которыя мы привыкли называть греческими колоніями. Они нигдѣ не заходили глубоко въ материковыя части. По мѣткому выраженію Цицерона, «греческій берегъ составлялъ точно кайму, пришитую къ обширной ткани варварскихъ полей»<sup>5</sup>.

**Планомѣрная колонизація.** Переселенцы типа гомеровскихъ витязей, дружины, поступавшія въ наемную службу, а также вытѣсненные съ родины эоляне и іонійцы, болѣе или менѣе рѣзко порывали связи съ метрополіей. Иной оборотъ принимало дѣло, если племя или община, выпустившая колонистовъ, сохраняла силу и авторитетъ; тогда отправляя изъ своей среды смѣлыхъ искателей, вся община постепенно втягивалась въ далекія предпріятія. Составлялся цѣлый планъ дѣйствій; метрополія снаряжала флотъ, назначала руководителя экспедиціи, погречески ойкиста, которому и поручала устройство колоніи на мѣстѣ.

Мы не знаемъ тѣхъ формъ, въ которыя такая организованная систематическая колонизація облекалась въ старину, но у насъ есть крайне любопытное указаніе Фукидида относительно того, какъ колонизовали въ V вѣкѣ. Во время столкновенія между Коринѳомъ и Коркирой изъ-за Эпидамна въ 435 г. коринѳяне рѣшили поддержать тѣснымъ Коркирой Эпидамнъ новой колоніей. «Они объявили призывъ къ выселенію на равныхъ и общихъ началахъ для всѣхъ колонистовъ; для тѣхъ,

кто въ данный моментъ не предполагаетъ отправиться съ экспедиціей, но желаетъ принять участіе въ устройствѣ колоніи, открыли возможность денежнаго взноса въ размѣрѣ 50 коринѳскихъ драхмъ. Оказалось очень много желающихъ какъ войти въ составъ экспедиціи и флота, такъ и содѣйствовать новой колоніи взносомъ денегъ»<sup>6</sup>. По всей вѣроятности, коринѳяне примѣнили способъ, который уже давно практиковался. Община вызываетъ добровольцевъ и приглашаетъ остающихся гражданъ помочь снаряженію колонистовъ своими денежными средствами. Можно представить себѣ, что и въ старину колонизаціонныя предпріятія организовывались приблизительно въ такомъ же видѣ.

Нѣкоторые города и порты, особенно удобные для отплытія, могли служить сборными пунктами для колонизаціонныхъ дружинъ и отрядовъ, сходящихся изъ различныхъ концовъ и областей Греціи. Такую роль центральной сборной станціи игралъ, кажется, Милетъ. Иначе нельзя себѣ объяснить извѣстіе о томъ, что Милетомъ основано до 80 колоній на берегахъ Понта, или Чернаго моря. Одинъ городъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, не могъ самъ по себѣ основать столько колоній; явно, что Милетъ служилъ лишь посредникомъ между метрополіями, лежавшими въ разныхъ мѣстахъ, и тѣми колоніями, которыя онѣ себѣ намѣтили. Конечно, не случайно Милетъ занялъ такое мѣсто въ колонизаціи Черноморья: послѣ того, какъ онъ выслалъ нѣсколько удачныхъ экспедицій, за нимъ утвердилась выгодная репутація умѣлаго правителя; въ его портъ стали собираться чужіе переселенцы, жаждавшіе стать подъ руководство опытныхъ колонизаторовъ, получить отсюда ойкиста. Всякая новая экспедиція, хотя бы и посторонняго Милету состава, нашедшая у него пріютъ, стоянку, руководящія указанія и содѣйствіе, уже выступала подъ его именемъ. Вѣроятно, такимъ же образомъ надо объяснить традицію о массовомъ основаніи колоній Мегарой, Коринѳомъ, Халкидой, Фокеей; всѣ эти города были, главнымъ образомъ, отправными пунктами, сборными станціями для эмиграціонныхъ волнъ, которыя шли изъ разныхъ концовъ Греціи.

**Внѣшнія очертанія колонизаціи.** Трудно опредѣлить то время, когда образовались самыя старинныя колоніи, эоійскія, іонійскія и дорійскія, на островахъ Эгейскаго моря и на западномъ берегу Малой Азіи. Можно только сказать, что въ VIII вѣкѣ эти колоніи настолько утвердились, что сами являются исходными пунктами новыхъ переселеній. Впрочемъ, среди нихъ эоляне сѣверо-восточной части Эгейскаго моря почти не принимаютъ участія въ дальнѣйшей колонизаціи; ихъ поселенія земледѣльческія, не торгово-индустріальныя; они не образовали значительныхъ городовъ.

Главной колонизаторской расой выступаютъ іонійцы. У нихъ впер-

вые появились настоящіе городскіе центры, Фокея, Смирна, Милеть, Эфесь, Хиосъ, Самось. Они съ энергіей направляются на сѣверъ, къ берегамъ Эракіи (одна изъ важнѣйшихъ колоній здѣсь—богатый золотомъ о. Фасось), въ проливы, ведущіе къ Черному морю, и въ самый Понть. На черноморскомъ побережьи іонійскими колоніями были Синопь и Трапезунтъ въ Малой Азіи, Пантикалеонъ въ Крыму и Ольвія около устья Днѣпра; на путяхъ къ Черному морю они основали Абидось и Лампсакъ у Геллеспонта, Перинѳъ и Кизикъ у Пропонтиды (Мраморное море). Но дорійцы предупредили ихъ у Босфора, т. е. на второмъ этапѣ, ведущемъ къ Черному морю; дорійская Мегара основала по одну сторону пролива Византію (основаніе ея считается въ 660 г.), по другую—Калхедонъ. Очень важно движеніе іонійцевъ въ противоположную сторону, къ югу, поперекъ Левантійской части Средиземнаго моря, къ берегамъ Египта. Въ большомъ количествѣ направились сюда греческіе воители; ихъ наемные отряды составили главную опору династіи Псамметиха, свергнувшей въ серединѣ VII вѣка господство ассириянь. Въ Нильской дельтѣ основано было нѣсколько торговыхъ поселеній, изъ нихъ самый крупный городъ, заложенный милетцами,—Навкратись. И здѣсь на берегу чернаго материка доряне не отставали отъ іонійцевъ. На Ливійскомъ побережьи, въ нынѣшней Баркѣ, они основали Кирену (около 630 г.).

Рѣшительное преобладаніе получили доряне надъ іонійцами на западѣ. Впереди всѣхъ идетъ дорійскій Коринѳъ. Пользуясь выѣздомъ черезъ глубокой заливъ, заходящій съ запада между Средней Греціей и Пелопоннесомъ, коринѳяне заняли рядъ пунктовъ въ Акарнаніи, среди нихъ Амбракію, затѣмъ колонизовали на пути къ Италіи большой островъ Коркиру. Такимъ образомъ, намѣтились этапы для переѣзда въ Италію и Сицилію. Здѣсь появились и іонійцы: они заняли Киме (близъ позднѣйшаго Неаполя), два пункта по обѣ стороны Мессинскаго пролива, Занкле (позднѣйшую Мессину) и Регій, а затѣмъ на Сициліи Наксось, Катану, Леонтины. Но большая часть сицилійскихъ и южно-италійскихъ колоній была основана дорьянами, выходцами изъ Пелопоннеса: въ Италіи Кротонъ, Сибарисъ и Тарентъ (основанъ спартанцами), въ Сициліи Сиракузы (основаны Коринѳомъ), Гела, Камарина, Акрагантъ, Селинунтъ.

Раздѣленіе греческаго міра между двумя главными, наиболѣе дѣятельными группами, іонійской и дорійской, очень замѣтно и сильно чувствуется за всю классическую эпоху Греціи. У каждой изъ двухъ расъ есть свои религіозныя традиціи, свои святины, свои собственныя внутреннія связи и взаимныя сношенія. Святилище Аполлона на о. Делосѣ высоко почитается всѣми іонійцами. Коринѳъ всегда, за всю

республиканскую эпоху Греціи, готовъ помочь своей колоніи, Сиракузамъ, и капиталами, и военными средствами, и политическимъ совѣтомъ.

Но племенной раздѣлъ далеко не создаетъ безусловной противоположности. Іонійскій Самось сближается съ дорійскимъ Коринѳомъ, который въ свою очередь враждуетъ съ сосѣдней дорійскою Мегарой; двѣ сосѣднія іонійскія общины Эвбеи, Халкида и Эретрія, ведутъ между собою почти непрерывныя войны. И т. д. Было бы совершенно неправильно видѣть въ іонійцахъ и дорянахъ два особыхъ культурно-политическихъ типа и характера. То, что говорили часто о подвижности и демократичности іонійцевъ, о консерватизмѣ и склонности къ аристократіи дорянъ, составляетъ собственно повтореніе въ болѣе отвлеченной формѣ характеристики Афинъ и Спарты; необходимо, однако, замѣтить, что дорійскія Сиракузы были въ смыслѣ возбудимости народа, склонности къ демократическому строю, развитія политическаго краснорѣчія, очень похожи на іонійскія Афины и совѣмъ не похожи на дорійскую Спарту. Опредѣленіе іонійцевъ, какъ племени невоинственнаго, склоннаго къ изнѣженной жизни, не подходитъ вовсе къ афинянамъ; оно основано на замѣчаніяхъ Геродота и Фукидида относительно восточныхъ азіатскихъ іонійцевъ, жителей собственной Іоніи. Надо имѣть въ виду, однако, что ту же оцѣнку придется сдѣлать малоазійскимъ дорянамъ; передъ нами фактъ не расоваго, а историческаго вліянія. Вообще малоазійскіе греки, близко стоявшіе къ культурнымъ народностямъ лидійцевъ и финикійцъ, рано потерявшіе политическую самостоятельность и подчинившіеся большимъ восточнымъ державамъ, скорѣе другихъ единоплеменниковъ своихъ утратили національный обликъ.

**Періоды греческой колонизаціи.** Разселеніе грековъ въ колоніяхъ и военно-служебныхъ постахъ представляетъ по своимъ размѣрамъ и характеру нѣчто единственное въ исторіи. Едва ли гдѣ-либо географическій районъ разсѣянія колонистовъ въ такой мѣрѣ превосходилъ ограниченный кругъ метрополіи. При этомъ нужно замѣтить, что выселеніе грековъ вовсе не было порывомъ одного крупнаго историческаго момента. Оно длилось безостановочно цѣлые вѣка; европейская Греція и обращенная къ ней лицомъ малоазійская Греція высылали все новыя и новыя поколѣнія добровольныхъ и вынужденныхъ эмигрантовъ. Можно было бы сказать, что колонизація въ широкомъ смыслѣ этого слова составляетъ главный и почти непрерывный фактъ греческой исторіи. Точнѣе говоря, колоніальное разсѣяніе Греціи раздѣляется на два большіе періода крупной остановкой, которая приходится на время приблизительно отъ середины VI вѣка до середины IV вѣка.

Собственно греческой колонизаціей мы привыкли обозначать только

первый изъ этихъ періодовъ, если можно такъ опредѣлить, отъ гомеровскаго Агамемнона до аѳинскаго Писистрата. Это движеніе, приблизительно 3 или 4 вѣковъ, остановлено было одновременно на западѣ и на востокѣ. Въ западныхъ водахъ распространенію греческихъ колонистовъ положила предѣлъ коалиція двухъ морскихъ державъ, этрусковъ въ сѣверо-западной Италіи и кареагенянъ, колонизовавшихъ въ свою очередь изъ Африки Сицилію, Сардинію и берега западной части Средиземнаго моря. Въ большой морской битвѣ близъ береговъ Сардиніи (534 г.) греческій флотъ былъ разбитъ соединенными силами этрусковъ и кареагенянъ. На крайнемъ западѣ сохранилась только одна изолированная греческая колонія Массалія (нынѣшняя Марсель). Около того же времени сложилась большая персидская держава, которая надвинулась съ плоскогорій Ирана и Арменіи на плодородныя равнины Евфрата и Нила, а также подошла вплотную къ берегамъ Средиземнаго моря. Уже тѣмъ, что персы уничтожили самостоятельность Вавилона, Египта и Лидіи, сильно сократился притокъ греческихъ наемниковъ въ восточныя страны; осталось служить только у самого великаго царя. Съ другой стороны, персы подчинили себѣ всѣ греческія колоніи, лежавшія на западномъ и на сѣверномъ берегахъ Малой Азіи. Такимъ образомъ, раздвинувшійся за три вѣка греческій міръ былъ сильно сдавленъ. Въ результатѣ усилились общины европейской Греціи, и послѣ успѣшной обороны противъ персидскаго нашествія сложилась крупная аѳинская держава, которая выставила впервые яркое націоналистическое знамя.

Въ IV вѣкѣ, когда персидская держава стала расшатываться, воинственная греческая эмиграція снова двинулась на востокъ. Въ походахъ Александра Македонскаго и діадочовъ снова нашли примѣненіе безпокойныя дружины, которымъ не было мѣста дома. Начался второй періодъ греческой колонизаціи, который мы называемъ эпохой эллинизма. Въ одномъ отношеніи повторились явленія первой колонизаціи: греческія поселенія за предѣлами метрополи во много разъ превзошли численностью народа и богатствомъ маленькій кругъ своей старой родины.

**Соціальныя черты колонизаціи.** Греческая колонизація является вѣрнымъ воспроизведеніемъ быта и дѣятельности грековъ на родинѣ. Та же способность легко сниматься съ мѣста и передвигаться со всѣмъ своимъ имуществомъ; то же чувство независимости въ маленькихъ общинахъ и группахъ, та же самостоятельность инициативы въ предпріятіяхъ каждаго отдѣльнаго колонизирующаго племени или города. Въ колонизаціи VIII и VII вѣковъ до Р. X. не было ни одной крупной экспедиціи, которая бы составила изъ союза многихъ общинъ, не

было ничего похожего хотя бы на крестовые походы европейцев XII вѣка послѣ Р. X. Кантональная жизнь европейской Греціи отложилась всѣми своими характерными чертами, всѣми своими достоинствами и недостатками въ колониальномъ разсѣяніи грековъ; на окраинахъ они не собирались въ болѣе тѣсные и крупные союзы; между сосѣдями поднимались тѣ же характерныя усобицы и соперничества, которыя составляли хроническую болѣзнь метрополиі. Примѣромъ можетъ служить ожесточенная борьба Кротона и Сибариса въ южной Италиі, которая окончилась полнымъ разгромомъ Сибариса, а также непрерывныя столкновенія Леонтинъ и Сиракузъ въ Сициліи, въ результатъ которыхъ Сиракузы поглотили въ буквальномъ смыслѣ общину Леонтинъ.

Не будь колонизаціи, Греція не имѣла бы исторіи. Переселенія дали случай грекамъ войти въ сношенія съ другими народами и узнать элементы чужой культуры; первые шаги греческой науки стоятъ явно подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Вавилона и Египта. Столкновение со старыми развитыми культурами подстрекнуло къ дѣятельности мѣстныя силы: то, что составляетъ оригинальное произведеніе грековъ, политическія формы демократіи, театр, пластическое искусство, расцвѣло только благодаря соперничеству съ чужимъ и наноснымъ. Наконецъ, самый общій результатъ: та среда, которую мы въ правѣ назвать греческимъ обществомъ, сложилась лишь въ ходѣ разсѣянія народа и благодаря этому разсѣянію.

Колонизація проходитъ различныя соціальныя ступени и сама представляетъ крупный соціальный переворотъ. Судя по Гомеру, первыми переселенцами были витязи и ихъ дружины. Позднѣе колонизація ведется купцами и промышленниками, въ дѣло вступаютъ новые классы населенія, приобретающіе вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе силы. Но эта перемѣна произошла не сразу. Судьбы рыцарскихъ отрядовъ были различны. Главная ихъ масса, вѣроятно, не останавливалась на мѣстѣ высадки, а отправлялась дальше въ качествѣ наемниковъ. Часть воителей садилась въ новыхъ поселеніяхъ на берегу или вблизи него; ихъ колоніи были преимущественно земледѣльческія; таковы были эолійскія поселенія на с.-з. берегу Малой Азіи и большая часть сицилійскихъ колоній, гдѣ встрѣчается своеобразный терминъ для обозначенія господствующаго класса—*γαμῶροι*, т.-е. владѣтели земельныхъ участковъ. Въ Сициліи это названіе, повидимому, относится не къ мелкимъ владѣльцамъ крестьянскаго типа, каковы въ Атикѣ геоморы, а къ помѣщикамъ, такъ какъ въ соціальныхъ волненіяхъ эпохи Пелопоннесской войны сельская бѣднота требуетъ раздѣла земель гаморовъ. Очень правдоподобно, что они примѣняли въ своихъ помѣстьяхъ раб-

скій или крѣпостной трудъ; матеріаломъ невольничества служили имъ военнопленные, захваченные при первомъ завоеваніи; этотъ составъ пополнялся потомъ разбойничьими набѣгами колонистовъ на туземныя села. Былъ еще третій отгѣнокъ въ колонизаціи витязей, который отмѣченъ хорошо у Гомера: это были умѣлые собиратели военной добычи, ловко пускавшіе ее въ обмѣнъ и постепенно обращавшіе торговлю въ свой постоянный промыселъ. Мы видимъ потомъ во главѣ нѣкоторыхъ торговыхъ общинъ аристократическіе роды; таковы были, напр., Баххиады въ Коринѣ, свергнутые впоследствии тираннами, которые опирались на вновь поднявшіеся классы. Это старинное кучество, вѣроятно, вело свое происхожденіе отъ героевъ гомеровскаго типа.

**Изобрѣтенія въ области индустріи и торговли.** Политическое раздробленіе нигдѣ и никогда не мѣшало развитію широкой и энергичной торговли. Скоро греческіе поселенцы, особенно мѣстностей отдаленныхъ, нашли выгоду въ доставкѣ метрополи нехватавшаго ей сырья: стали подвозить хлѣбъ изъ Черноморья, южной Италіи и Сициліи, лѣсъ и металлы изъ Эракин, рыбу, кожи, скоть опять изъ Черноморья. Въ свою очередь европейскіе греки начали вывозить въ чужія страны продукты своей работы, оливковое масло, вино, ткани, посуду, оружіе. Перевозъ въ разныхъ направленіяхъ товаровъ, сырыхъ и обработанныхъ, становится крупнымъ источникомъ пропитанія для цѣлыхъ общинъ. Эгина, небольшой скалистый островъ съ почвой скудной и неблагодарной, сдѣлалась въ эту эпоху одной изъ самыхъ сильныхъ мореходныхъ общинъ Греціи; ея значеніе выросло исключительно на торговлѣ, и притомъ, такъ какъ община не могла сама много вывозить и много потреблять, на торговлѣ транзитной, доставлявшей продукты всѣхъ средиземноморскихъ странъ въ разные концы греческаго міра.

Привозъ колониальныхъ продуктовъ повелъ къ усиленной дѣятельности мѣстныхъ демиурговъ. Напряженность въ работѣ индустріи видна изъ факта техническихъ изобрѣтеній, приходящихся на VII—VI вв. до Р. Х. Особенно значителенъ прогрессъ въ металлическомъ дѣлѣ, въ литейномъ производствѣ. Въ гомеровское время оружейникъ дѣлалъ щитъ или панцырь изъ отдѣльныхъ пластинокъ, которыя скрѣплялъ крючками и гвоздями; въ такомъ видѣ, напр., описана работа бога Гефеста надъ оружіемъ Ахилла. Въ интересующую насъ эпоху была изобрѣтена спайка металлическихъ полосъ: характерно, что изобрѣтатели способа литья и паянья были уроженцами передовыхъ общинъ на малоазійскихъ островахъ Хиосѣ и Самосѣ. Большіе успѣхи сдѣлала также фабрикація глиняной посуды. На ряду съ чисто-ремесленными грубыми издѣліями, идущими на внутренній рынокъ, появляется артистическая работа, художественно формированные и раскрашенные со-

суды, которые становятся предметом обширнаго вывоза. Образуются оживленные центры художественно-промышленной фабрикаціи посуды; сначала главный пункт ея—Коринѡъ, потомъ, особенно съ VI в.—Аѡины. Здѣсь вырабатывается знаменитый способъ наведенія черныхъ фигуръ на блестящій красноватый фонъ, искусственно достигаемый путемъ примѣшиванія желѣзной окиси. Для этой отрасли промышленности характерно то, что сохранились имена замѣчательныхъ мастеровъ-изобрѣтателей и художниковъ-предпринимателей.

Очень важная перемѣна намѣтилась также въ технику торговли. Здѣсь появилось своего рода изобрѣтеніе—металлическая монета. Гомеровское общество пользовалось разнообразными способами для опредѣленія цѣны и для расчета; большую роль при этомъ играли металлы, но въ основѣ примѣненія ихъ не было самаго главнаго, что создаетъ металлическія деньги, именно, системы вѣса. Въ эпоху колонизаціи греки въ этомъ отношеніи воспользовались давнишнимъ изобрѣтеніемъ старокультурныхъ восточныхъ странъ 7.

У египтянъ употреблялись мѣдныя деньги, которыя ходили между прочимъ въ видѣ колець; онѣ не были монетой въ собственномъ смыслѣ, и хотя кусочкамъ придавали опредѣленный вѣсъ, но при обмѣнѣ приходилось все-таки, ради осторожности, производить особое взвѣшиваніе. У вавилонянъ и ассириянъ, примѣнявшихъ золото и серебро, денежный счетъ примыкалъ также къ градаціи вѣсовыхъ единицъ, при чемъ послѣдняя, въ свою очередь, входила въ составъ необыкновенно стройной общей системы мѣры. Дѣло въ томъ, что вавилоняне примѣняли для счета времени измѣреніе водяныхъ массъ, вытекающихъ медленно изъ сосудовъ опредѣленной величины. Они замѣтили, что мѣркой съ одинаковой точностью можетъ служить высота водяного столба въ сосудѣ такъ же, какъ его объемъ, или вѣсъ той же массы воды. Отсюда у нихъ идея привести въ соотвѣтствіе мѣры длины, мѣры тяжести для взвѣшиванія твердыхъ тѣлъ и мѣры вмѣстимости для счета тѣлъ сыпучихъ и жидкихъ. Къ этой ученой системѣ, близко напоминающей современную европейскую метрическую, приспособлены были деньги, положенныя опять-таки на очень удобную арифметическую основу, въ которой соединялись десятичный и двѣнадцатичный счетъ. Высшая единица (киккаръ=30 килограммамъ, или 1 пуду 25 фунтамъ) дѣлилась на 60 минъ, мина, въ свою очередь, дѣлилась на 60 шекелей. Всѣ эти названія означаютъ собственно вѣсы или вѣсовыя тяжести; цѣны опредѣлялись вѣсовымъ содержаніемъ золотыхъ и серебряныхъ плитокъ, ходившихъ въ обмѣнъ. Вавилоняне установили точное сношеніе между цѣной золота и серебра (40:3), которое усвоено было потомъ въ другихъ странахъ и долго держалось въ куль-

турномъ мірѣ. Но до чекана монеты все-таки у нихъ не дошло; точно такъ же и финикіяне до весьма поздняго времени обходились безъ чеканной монеты съ принудительнымъ курсомъ.

Не трудно понять, почему большія культурныя восточныя государства могли долго торговать безъ монеты. Имъ важнѣе было выработать обширную кредитную систему, которая могла бы регулировать сдѣлки въ предѣлахъ крупныхъ территорій; лишь при окончательныхъ сравнительно рѣдкихъ расчетахъ выступали металлическія деньги въ видѣ вѣсовыхъ грушъ. Другое положеніе получалось тамъ, гдѣ товаръ въ короткій срокъ переходилъ нѣсколько политическихъ границъ, гдѣ стояли рядомъ независимые другъ отъ друга и равносильные конкуренты, и гдѣ вслѣдствіе этого были необходимы немедленные и дробные расчеты. При такихъ условіяхъ каждая изъ торговыхъ силъ стремилась къ тому, чтобы имѣть собственный расчетный знакъ и въ то же время сообразовать его съ господствующими вокругъ системами.

Сколько можно судить, впервые монета появилась именно среди небольшихъ дробныхъ территорій Малой Азіи. По сосѣдству съ іонійскими колоніями грековъ на востокъ отъ нихъ лежало Лидійское государство. Страна эта занимала чрезвычайно выгодное торговое положеніе; долины ея рѣкъ представляютъ выходы къ Эгейскому морю, а съ другой стороны, отъ нихъ направляются пути въ глубину полуострова и дальше къ странамъ Передней Азіи, лежавшимъ восточнѣе. Лидійцы стали естественными посредниками въ весьма широкомъ обмѣнѣ между странами Эгейскаго моря, Малой Азіи, Сиріи, Месопотаміи; къ транзиту они присоединили сбытъ продуктовъ своей собственной индустріи производства и окраски тонкихъ тканей, металлургіи и др. Геродотъ отмѣчаетъ одну характерную черту въ быту лидійцевъ; онъ указываетъ на то, что они первые занялись мелкой розничной торговлей, *πρώτοι κάπηλοι ἐγένοντο* <sup>8</sup>. Это обстоятельство онъ и ставитъ въ связь съ возникновеніемъ у нихъ чекана монеты. У лидійцевъ имѣлось еще выгодное условіе для выработки этого необходимаго средства постоянного и очень детальнаго обмѣна: въ ихъ странѣ были обильныя залежи бѣлаго золота, или электра, т.-е. натуральной смѣси золота и серебра. Изъ этого матеріала и чеканились лидійскія монеты, начиная приблизительно съ половины VII вѣка. Вскорѣ потомъ чеканъ монеты начался въ сосѣднихъ съ Лидіей малоазійскихъ греческихъ общинахъ, въ Милетѣ и на о. Самосѣ, затѣмъ въ Фокеѣ, Митилеѣ, Кизикѣ; немного позднѣе въ городахъ европейской Греціи, въ Эгинѣ, Халкидѣ на Эвбее, Коринѣ и Аѣнахъ.

Греки сразу воспользовались результатами длиннаго и сложнаго развитія въ вѣсовой и денежной системѣ, не проходя промежуточныхъ

ступеней. Очень вѣроятно, что однимъ изъ важныхъ посредниковъ въ данномъ случаѣ послужила Лидія. Но были, кажется, болѣе раннія и болѣе прямыя связи съ Евфратской равниной. Такъ можно думать потому, что принятія греками вѣсовыя и денежныя единицы воспроизводятъ вавилонскія дѣленія и даже частью восточныя названія мѣръ. Кромѣ того—что, можетъ быть, еще важнѣе—Греція заимствовала примѣнявшуюся вавилонянами метрическую систему. Только высшая денежная мѣра обозначалась стариннымъ греческимъ названіемъ вѣсовой массы, талантомъ; его шестидесятая доля называлась семитскимъ словомъ «мина» ( $\mu\nu\alpha$ —часть). Въ дальнѣйшемъ дѣленіи десятичный счетъ соединялся съ двѣнадцатиричнымъ, какъ у вавилонянъ: мина дѣлилась на 50 статовъ по 12 оболовъ, или на 100 драхмъ по 6 оболовъ. Статеръ—переводъ семитическаго слова шекель, значить вѣсы. Что касается мелкихъ единицъ, драхмы и оболы, они, можетъ быть, имѣли отношеніе къ вѣсовой системѣ желѣза, введенной въ серединѣ VIII вѣка Фидономъ, басилеемъ Аргоса. Оболь, вѣроятно, произошелъ отъ  $\delta\beta\epsilon\lambda\delta\varsigma$  (гвоздь, кончикъ конья). Изъ оболовъ или обелисковъ, желѣзныхъ прутиковъ, состоялъ вкладъ, сдѣланный Фидономъ въ храмъ Геры въ Аргосѣ и показывавшійся еще во времена Аристотеля<sup>9</sup>. Можно предположить, что позднѣйшій серебряный оболь соответствовалъ по цѣнѣ желѣзному прутику того же наименованія, а драхма, равная шести оболамъ, получилась изъ связки прутиковъ, которую можно было удержать въ рукѣ (драхма значить полная горсть). Тому же Фидону приписывали введеніе мѣръ жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ, по-гречески метретовъ и медимновъ.

Судя по даннымъ легенды, этотъ Фидонъ вообще пользовался большимъ вліяніемъ въ Греціи и располагалъ порядочными силами. Въ 748 году до Р. Х. онъ отнялъ у элейцевъ руководство олимпійскими играми, и по его имени считается 8-я олимпіада. Можетъ быть, онъ господствовалъ надъ большею частью Пелопоннеса. Во всякомъ случаѣ, въ рукахъ Фидона были морскіе пути южной части Эгейскаго моря, чрезъ которые онъ могъ поддерживать прямыя связи съ берегами Леванта.

**Возникновеніе городовъ.** Успѣхи торговыхъ поѣздокъ, открытіе новыхъ отдаленныхъ рынковъ, основаніе колоній въ разныхъ концахъ средиземноморскаго міра сильно подняли значеніе мореходныхъ компаній,  $\pi\eta\kappa\tau\eta\rho\epsilon\varsigma$   $\kappa\alpha\theta\tau\alpha\iota$ , какъ ихъ называетъ Гомеръ. Среди странствующихъ купцовъ прежде большое мѣсто занимали финикіяне; теперь, въ эпоху колонизаціи, ихъ совершенно вытѣснили греческіе предприниматели. Вмѣстѣ съ тѣмъ изобрѣтенія въ индустріи и возможность сбыта ремесленныхъ произведеній въ дальніе края выдвинули произ-

водителей, демиурговъ. Правда, по словамъ Геродота, въ Греціи вообще невысоко ставятъ людей, обученныхъ ремесламъ (τέχνες), но все же въ промышленномъ Коринѣ званіе мастера стало пользоваться извѣстнымъ уваженіемъ<sup>10</sup>. Какъ скоро ремесло начало работать на вывозъ, поселенія кустарей разрослись и составили цѣлыя слободы. Въ Аѳинахъ предмѣстье горшечниковъ, изготовителей художественно расписанныхъ вазъ, Керамикъ, образовало большой оживленный кварталъ. Кушцы-мореходы привозятъ на родину большіе барыши, выстраиваютъ себѣ хорошіе дома. Высшіе слои промышленнаго общества составляютъ, наподобіе дружинъ, союзы и товарищества (ἐταίρια). Какъ видно изъ законодательства города Гортина на о. Критѣ, у этихъ новыхъ гетерій есть свои судьи, независимо отъ общегородскихъ<sup>11</sup>. Члены такихъ союзовъ, судя по такѣ штрафовъ, взимавшихся за нанесенныя имъ обиды, занимали привилегированное положеніе въ городѣ, цѣнились значительно выше той части гражданства, которая въ гетеріяхъ не состояла.

Изъ отдаленныхъ краевъ начинаютъ доставлять новый товаръ, пельники. По греческой традиціи, привозные рабы впервые появились въ торговой общинѣ о. Хиоса. Гомеровскіе δμῶες большею частью военноплѣнные греки; они составляютъ домашнюю челядь или военную прислугу, сидятъ на хуторахъ, приставлены къ скотоводству. Новый составъ привозныхъ рабовъ идетъ, главнымъ образомъ, въ мастерскія; это—χεῖροτέχναι, индустріальные рабочіе. Примѣненіе ихъ привело къ существенной перемѣнѣ въ производствѣ; въ извѣстныхъ отрасляхъ предпріятія приняли фабричный характеръ на манеръ старыхъ европейскихъ мануфактуръ.

Исходныя мѣста колонизаціонныхъ выѣздовъ, пункты, куда привозятся товары, и слободы, въ которыхъ работаютъ демиурги, образуютъ большіе поселки, города въ собственномъ смыслѣ. Таковы Милетъ, Эгина, Халкида, Мегара, Коринѣ. Въ гомеровскую эпоху не было иныхъ городовъ, кромѣ укрѣпленныхъ замковъ, гдѣ жилъ басилей со своей свитой, и около которыхъ ютились въ деревняхъ зависимые люди. Съ развитіемъ морскихъ предпріятій такіе укрѣпленные городки, какъ Микены, расположенные неудобно для выѣзда и для торга, теряютъ свое значеніе и пустѣютъ. Преуспевающіе города, въ родѣ Коринѣа, разрастаются около старой крѣпости, окружаютъ себя новой широкой стѣной; прежній замокъ становится кремлемъ, цитаделью при городѣ (также въ Аѳинахъ акрополь, въ Оивахъ—Кадмея).

**Союзы торговыхъ общинъ и столкновенія ихъ.** Эпоха колонизаціи въ извѣстномъ смыслѣ отличалась еще большей воинственностью, чѣмъ героической вѣкѣ. Торговля компаніи времени возникновенія городовъ

очень предприимчивы и беспокойны; вслѣдъ за дружинами витязей онѣ сами организуютъ дальнія экспедиціи, захватываютъ опорные пункты на островахъ и берегахъ, появляются грозной принудительной силой на новыхъ рынкахъ. Между торговыми общинами возникаютъ жестокіе споры. Отдѣльные города вступаютъ въ союзы другъ съ другомъ. Коринѳъ дружитъ съ Самосомъ; параллельно этой линіи коммерческой связи, идущей поперекъ Эгейскаго моря, располагается другая лига, европейской Мегары съ азіатскимъ Милетомъ. Обѣ линіи проходятъ совѣмъ близко другъ отъ друга, и союзы сталкиваются между собою съ увеличенной яростью. Въ VII вѣкѣ торговые споры разрастаются въ общегреческую войну. Она носитъ названіе *Лелантійской*, по первоначальному предмету борьбы городовъ Халкиды и Эретріи на о. Эвбеѣ за Лелантійскую равнину. Но въ мѣстный споръ вступаютъ чуть не всѣ коммерческіе города Эгейскаго моря; образуются двѣ большія лиги, на сторонѣ Халкиды Коринѳъ и Самось, на сторонѣ Эретріи Мегара, Эгина и Милеть.

Въ этихъ столкновеніяхъ большое мѣсто занимали споры изъ-за металла, который, съ развитіемъ техническихъ средствъ, стали усиленно разрабатывать въ разныхъ мѣстахъ Греціи. Очень интересенъ рассказъ Геродота о величіи и паденіи острова Сифноса, судьба котораго тѣсно связана съ погоней за золотой добычей. На Сифносѣ оказались столь большія залежи золота и серебра, что въ короткій срокъ община увидала себя въ обладаніи настоящаго клада; она выдѣлила блестящій подарокъ Дельфійскому храму изъ десяти процентовъ съ дохода рудниковъ; вся прибыль, получавшаяся отъ ихъ эксплуатаціи, ежегодно распределялась между гражданами. Дельфійскій оракуль, изъ чувства благодарности за приношеніе, предупредилъ сифнійцевъ, чтобы они боялись деревянной дружины и краснаго вѣстника, когда ихъ дума и рынокъ будутъ сіяты бѣлизной. И точно оказалось, что вскорѣ послѣ того, какъ въ Сифносѣ украсили общественныя зданія бѣлымъ паросскимъ мраморомъ, на островъ напали воители съ о. Самоса, прибывшіе на корабляхъ (деревянная дружина), выкрашенныхъ въ красный цвѣтъ. Последніе требовали у сифнійцевъ выкупа въ 10 талантовъ; тѣ отказали, началась осада Сифноса, богатую общину совѣмъ разгромили и взяли съ нея 100 талантовъ <sup>12</sup>.

**Синоикизмы.** Почти ни одна область не могла остаться въ сторонѣ отъ движенія. Если страна не принимала участія въ заморскихъ выѣздахъ, какъ, напр., Лаконія, Аттика, Элида, Аргось, ей нужно было обезпечить себя отъ нападеній со стороны предприимчивыхъ мореходовъ. Эта необходимость защиты заставила мелкія племенные группы и деревенскія общины объединиться, или, по-гречески, синоикизироваться.

Синоикизмъ значить соединеніе жилищъ, и въ дѣйствительности объединеніе принимало видъ переселенія изъ деревень въ намѣченный центральный пунктъ. Фукидидъ въ слѣдующихъ словахъ описываетъ соединеніе сельскихъ общинъ Аттики въ одну большую городскую общину Аѳины. «Получивъ власть, Тесей, царь умный и сильный, упразднилъ мѣстные думы и должности, устроилъ одинъ правительственный совѣтъ и одно зданіе думы, соединилъ (ἑνωσάμενος) всѣхъ въ нынѣшнемъ городѣ и повелѣлъ сельскимъ общинамъ признавать городомъ только Аѳины, которыя, благодаря общему къ нимъ тяготѣнію, и стали большимъ центромъ»<sup>13</sup>. Надо представить себѣ, что магнаты покинули свои замки и выстроили себѣ дома вблизи новаго мѣста за сѣданій совѣта; далѣе переселеніе родовъ вмѣстѣ съ челядью вызывало необходимость устроить внутри разросшагося центрального поселка правильный торгъ на большой рыночной площади. Синоикизмъ, слѣдовательно, составлялъ какъ бы толчокъ къ образованію большого города, хотя основы соединенія носили нѣсколько иной характеръ, чѣмъ въ торговыхъ центрахъ.

**Городское управленіе.** Быть торговыхъ городовъ такъ же, какъ синоикизмы, оказался невыгоднымъ для единоличной власти вождей, которая въ свое время основывалась на перевѣсѣ одного замка надъ другими. Родовитые люди, составившіе синоикизмъ, въ новомъ общемъ городѣ чувствовали себя всѣ ровнями по достоинству. Мѣстами они отмѣнили вовсе наследственную монархическую власть и замѣнили ее выборными должностями. Въ Аѳинахъ династія Нелеидовъ или Кодридовъ была отмѣнена другими семьями, которыя установили между собою очередь для занятія высшихъ должностей, превратившихся вмѣстѣ съ тѣмъ изъ пожизненныхъ въ срочныя. Въ другихъ общинахъ старинныя династіи сохранили положеніе, но были сильно обрѣзаны въ своихъ прерогативахъ: таково устройство Спарты, гдѣ при синоикизмѣ оказались рядомъ двѣ царскія династіи, а для контроля надъ басилеями община выдвинула новую должность эфоровъ.

Выбираемые на краткій срокъ, должностныя лица составляли обыкновенно коллегію, въ которой у каждого могла быть своя специальность. Въ Аѳинахъ ихъ было девять съ общимъ названіемъ архонтовъ. Коллегія составила изъ трехъ высшихъ сановниковъ, перваго, или «архонта» въ собственномъ смыслѣ, басилея, опустившагося на второе мѣсто, и полемарха, съ добавленіемъ шести ѳесмоѳетовъ, т. е. судей, буквально толкователей или издателей права. Въ общинахъ о. Крита коллегіи состояли изъ десяти лицъ, называвшихся космами. Среди нихъ былъ соотвѣтствующій аѳинскому полемарху *στραταγέτης*; затѣмъ былъ *κόσμος ξένιος*, судившій иностранцевъ и другой, разби-

равній процессы горожанъ (*ἀστικά δίκαια*)—два сановника, близко напоминающіе римскихъ praetor peregrinus и praetor urbanus.

Такимъ образомъ, синойкизмъ велъ къ образованію аристократическихкихъ республикъ; ихъ особенность, усвоенная потомъ греческой демократіей, частая, обыкновенно ежегодная смѣна должностныхъ лицъ. Въ аристократіяхъ, вѣроятно, наблюдали ревниво равномѣрность между правящими фамиліями въ замѣщеніи должностей. Сановники непрерывно совѣщались съ собраніемъ старѣйшинъ. Возможно, что они выходили изъ состава совѣта и возвращались въ его среду. Такое впечатлѣніе мы, по крайней мѣрѣ, получаемъ изъ практики аеинскаго Ареопага, составлявшаго остатокъ аристократической старины; онъ пополнялся вышедшими изъ должности архонтами.

**Борьба классовъ въ эпоху возникновенія городовъ.** Въ своемъ частномъ быту аристократія сохранила черты героическаго вѣка. Въ Коринѣ правящій слой, изъ среды котораго выбирался глава государства, такъ назыв. *πρόταρις*, составилъ изъ большого разросшагося рода Бакхиадовъ. Эта аристократія замкнулась отъ остального гражданства; ея члены заключали браки только въ своей тѣсной средѣ. Попржежнему высшій слой занимается коневодствомъ, его представители отличаются на ристаніяхъ, берутъ призы на олимпійскихъ и другихъ играхъ. Въ цѣломъ рядѣ общинъ они сохранили даже свое старинное названіе всадниковъ, въ Эвбеѣ они *ἵπποβόται*, въ Атикѣ, Беотіи и Элидѣ *ἵππεις*. Обладатели власти, сосредоточенные въ тайномъ совѣтѣ на Ареопагѣ (*ἡ ἐν Ἀρείῳ πάγῳ βουλή*), они стараются не звать народъ на общія собранія.

Но авторитетъ ускользаетъ изъ ихъ рукъ, подчинявшіеся имъ раньше классы, всколебленные колонизаціей, торговлей и синойкизмомъ, заявляютъ протестъ, волнуются и грозно идутъ на господскіе замки. Вмѣстѣ съ внѣшними антагонизмами эпохи разгорается внутренняя борьба. Въ числѣ противниковъ аристократіи отчетливо выдѣляются двѣ группы населенія, обѣ, правда, уже имѣвшіяся налицо въ пору героическаго вѣка, но теперь выступающія съ новой соціальной физиогноміей.

Одна составляется изъ некрупныхъ землевладѣльцевъ; къ нимъ приложимо названіе сельской партіи, дѣйствующей въ Атикѣ VI вѣка, *γεωμορῶν* (*γεωμόροι*, или *ἀγροῖχοι*). Этотъ классъ можно также назвать гоплитами, т.-е. тяжело вооруженной пѣхотой, въ такой мѣрѣ бытъ геоморовъ срастается съ извѣстнымъ видомъ оружія и опредѣленнымъ способомъ боя. Уже подъ Троей гомеровскіе *ἄλοοι* умѣли сражаться сплоченными фалангами; но тогда пѣхотинцы были хуже вооружены, не имѣли доспѣховъ, и, естественно, на первый планъ выступали *ἀριστῆες*,

герои, везомые конями. Въ VI и въ V вв. гоплиты, копейщики въ шлемахъ и броняхъ, вооруженные на свой счетъ, составляютъ основную силу греческой общины. Эта перемена и есть результатъ возросшаго ихъ соціального значенія. По своему хозяйственному положенію они иногда хлѣбопашцы (въ Беотіи), чаще—садоводы, оливководы и виноградари (на о. Хиосъ и Самосъ, въ Атикѣ). Предполагалось, что для гоплитскаго вооруженія надо имѣть достатокъ, позволяющій держать парную упряжку, ζεύγος, отсюда ихъ обозначеніе въ Атикѣ зевгиты. Назвать ихъ по-нашему крестьянами будетъ не совсѣмъ подходяще въ виду порядочныхъ иногда размѣровъ ихъ хозяйства. Правда, они обыкновенно сами работали на землѣ всѣмъ домомъ, но нерѣдко также держали рабовъ или наемныхъ рабочихъ.

Геоморы, или гоплиты волнуются въ эпоху колонизаціи и развитія торговли, потому что ихъ патріархальное хозяйство сильно затронуто вторженіемъ денежныхъ расчетовъ. Поневолѣ они втянуты въ операціи, вынуждены занимать, съ трудомъ поспѣваютъ приладить къ ссудамъ и покупкамъ свое примитивное хозяйство; нерѣдко они встрѣчаются съ суровой уголовной формой личной кабалы за долги. Очень тягостны имъ процессы, заставляющіе ихъ платить штрафы и судебныя издержки. Тамъ, гдѣ произошелъ синойкизмъ, сельскому хозяину приходится, вдобавокъ ко всему, тратиться на проѣзды въ городъ. Отсюда его желаніе имѣть свой дешевый и близкій судъ въ деревнѣ. Надо сказать, что этотъ соціальный слой, образующій потомъ наибольшую прочную опору греческой независимой общины, не отличается вообще значительной подвижностью. Въ Атикѣ въ VI вѣкѣ только шумная предприимчивость приморскаго населенія вынуждаетъ геоморовъ выступить на политическую арену. Въ Беотіи, въ Элидѣ они появляются на сценѣ и добиваются политическихъ правъ значительно позже, лишь въ V вѣкѣ. Въ Фессалии они такъ и не могли выдвинуться, чтобы скинуть господство аристократіи-конеководовъ.

Гораздо рѣшительнѣе выступаетъ противъ аристократіи другой классъ, который собственно и составляетъ движущій, бродящій элементъ колонизаціоннаго вѣка. Онъ образуется изъ различныхъ соціальныхъ осколковъ. Впереди всѣхъ стоятъ воинственные купцы и судовладельцы, промышленная вольница; это зерно обростаетъ массой примыкающаго къ нимъ неосѣдлаго люда, недовольныхъ своимъ положеніемъ оетовъ, обезземеленныхъ сельчанъ, затѣмъ приморскаго населенія, рыбаковъ, лоцмановъ, перевозчиковъ, изъ которыхъ набирается экипажъ морскихъ флотилій; такъ слагается обширный классъ, получившій въ Атикѣ названіе *паралиевъ*, т.-е. приморскихъ. Къ нимъ примыкають городскіе ремесленники, гомеровскіе деміурги. Въ этой

группы развиваются демократическіе нравы, большая вольность мысли, но въ то же время они обнаруживаютъ склонность подчиняться единой командѣ, своего рода диктатурѣ, или даже возобновить угаснувшую царскую власть. Среди нихъ появляется характерный терминъ, *προστάτης τοῦ δήμου*, предстатель или охранитель народа <sup>14</sup>. Но настоящими вождями вольницы предпринимателей и приставшаго къ ней непокойнаго бродячаго люда выступаютъ тиранны, своеобразныя политическія фигуры VII и VI вв.

**Вожди новаго городского общества.** Тиранны выходятъ большею частью изъ среды стариннаго высшаго общественнаго слоя, по порывають съ аристократіей. Такъ, напр., въ Коринѣ Кипсель, отвергнутый членъ большого древняго правящаго рода Бакхиадовъ, опираясь на сочувствіе массы, опрокидываетъ господство родовитыхъ людей, прогоняетъ Бакхиадовъ и конфискуетъ ихъ имущество. Первый аѳинскій тиранъ Килонъ былъ изъ стариннаго рода, знаменитаго своими конями, и самъ стяжалъ славу побѣдителя на олимпійскихъ играхъ. Невозможно легко выяснитъ политическую роль тиранніи.

У Фукидида среди его сжатыхъ социологическихъ характеристикъ есть интересное замѣчаніе о тираннахъ, которое даетъ руководящую нить для сужденія о вѣдшей политикѣ тиранніи. «Когда Эллада стала могущественнѣе и съ большей энергіей, чѣмъ раньше, направляла вниманіе на увеличеніе денежнаго богатства, въ общинахъ поднялись тиранны, тѣмъ болѣе, что и доходы начали возвышаться (между тѣмъ, какъ раньше были патріархальныя цари, пользовавшіеся традиціонными подарками), и вотъ въ Элладѣ возникаютъ флоты, и люди все болѣе отдаются морю» <sup>15</sup>. Фукидидъ видитъ въ тиранніи возобновленіе царской власти на другой экономической основѣ. Въ его глазахъ тиранны были организаторами военно-морскихъ финансовъ; а это было необходимо потому, что они вели военно-промышленную инициативу, становились во главѣ колонизаціонныхъ флотилій и выѣздовъ, направляли экспедиціи и устраивали торговые союзы.

Тираннія была тѣсно связана съ выступленіемъ параліевъ и деміурговъ. Въ общинахъ колоніальныхъ, болѣе передовыхъ въ торговомъ отношеніи сравнительно съ метрополіей, тираннія сдѣлалась почти естественной формой политическаго устройства на продолжительное время: такъ было въ городахъ Малой Азии и прилегающихъ къ ней островахъ, въ Милетѣ, на Лесбосѣ, Самосѣ, особенно же въ городахъ Сициліи, гдѣ она остается еще въ V вѣкѣ. Болѣе ограниченное по мѣсту и болѣе преходящее явленіе образуетъ тираннія въ европейской Греціи. Она возникаетъ впервые въ Сикіонѣ, гдѣ Орѳагоръ въ 665 г. разгромилъ господство дорійской военной аристократіи и выдвинулъ

на первое мѣсто туземное населеніе ремесленниковъ, торговцевъ и садоводовъ. За нимъ скоро слѣдуетъ (около 660 г.) Кипсель въ Коринѣ, немного позже Феагенъ въ Мегарѣ и въ 30-хъ или 20-хъ годахъ VII в. Килонъ въ Аѣнахъ. Такимъ образомъ, тираннія распространяется съ юга на сѣверъ по линіи, раздѣляющей два главные глубоко вдавшіеся залива западнаго и восточнаго моря Греціи. Она захватываетъ тѣ общины Греціи, которыя, благодаря своему положенію, широко развили торговлю, ремесло, мореходство и колонизацію. Тираннія тѣсно связана съ коммерческимъ и колониальнымъ расцвѣтомъ этихъ общинъ.

При тираннахъ Кипселидахъ (660—583) Коринѣ разрастается въ большую морскую силу. Ихъ предшественники, Бакхіады, подъ конецъ своего правленія, уронили руководящее положеніе, которое Коринѣ приобрѣлъ на западѣ, благодаря ряду основанныхъ имъ колоній; между прочимъ, отъ метрополіи отпала Коркира, крупный островъ, лежащій на дорогѣ между Коринѣскимъ заливомъ и берегами Италіи. Кипсель, свергнувшій господство Бакхіадовъ, возстановилъ торговое вліяніе Коринѣа на западѣ. У выхода изъ Коринѣскаго залива онъ основалъ рядъ колоній, между прочимъ Левкаду на полуостровѣ, связанномъ лишь узкимъ перешейкомъ съ материкомъ: для удобства сношеній съ Коркирой, коринѣяне прорыли каналъ поперекъ перешейка, и Левкада стала островомъ. Кипсель основалъ также на востокѣ у Эгейскаго моря Потидею на полуостровѣ Халкидикѣ и открылъ торговлю съ Фракіей, богатой сырыми продуктами. Еще дальше пошелъ его сынъ Періандръ (627—587), который велъ нѣсколько колониальныхъ войнъ, подчинилъ себѣ Коркиру, а также распространилъ свою власть на Эгину и Эпидавръ, лежащія на востокъ отъ Коринѣа въ Сароническомъ заливѣ: Коринѣ при немъ становится торговой и политической столицей обширнаго морскаго района, господствующей надъ обоими заливами, которые прилегаютъ къ Истму. Періандръ роднится съ другими тираннами, Орѣагоридами въ Сикіонѣ, Орѣасибуломъ Милетскимъ, устанавливаетъ связи съ Лидіей и Египтомъ; характерно, что его племянникъ носитъ египетское имя Псамметиха.

Мегара, при тираннахъ той же эпохи, заводитъ торговлю съ черноморскими странами, впервые начинаетъ вывозить изъ Чернаго моря хлѣбъ въ значительномъ количествѣ и ради обезпеченія хлѣбнаго подвоза завладѣваетъ ключомъ къ Понту, основывая у Босфора Византію и Калхедонъ. Наконецъ, въ Аѣнахъ тираннія Писистратъ занимаетъ опорные пункты въ разныхъ частяхъ Эгейскаго моря, устанавливаетъ выгодные договоры съ тираннами острововъ Самоса и Наксоса и кладетъ основу будущей большой морской державы.

**Внутренняя политика тираннов.** По нѣкоторымъ случайнымъ свѣдѣніямъ можно составить представленіе о томъ, какое положеніе занимали тиранны въ борьбѣ классовъ. Геродотъ рассказываетъ по поводу реформъ Клизеена Алкмеонида въ Афинахъ (506 г.) о его дѣдѣ по матери Клизеенѣ сикіонскомъ (596—565), послѣднемъ изъ династїи Орагоридовъ.

Въ Сикіонѣ было четыре филы. Изъ нихъ три были предоставлены господствующему классу дорійскаго племени, происшедшему отъ завоевателей; напротивъ, подчиненное населеніе мѣстнаго происхожденія было сбито въ одну филу Эгіалеевъ (т.-е. береговыхъ). По Геродоту, Клизеенъ хотѣлъ принизить прежнихъ господъ, дорянь, и поднять остальныхъ обывателей, отгнѣянныхъ въ худшее положеніе. Съ этою цѣлью онъ повелъ сложную религіозную политику. Клизеенъ старался разорвать связь сикіонскихъ дорянь съ дорянами другихъ областей, особенно Аргоса; такъ какъ у всѣхъ дорянь были общія названія филъ, онъ переименовалъ дорійскія филы въ Сикіонѣ и падѣлилъ ихъ для смѣху прозвищами свинаярей, осятниконъ и поросятниконъ, а филу туземцевъ назвалъ, напротивъ, почетнымъ именемъ *ἀρχέλοιοι*, т.-е. господъ. Затѣмъ Клизеенъ запретилъ сказителямъ публичное исполненіе гомеровскихъ пѣсенъ, такъ какъ въ нихъ восхвалялся Аргосъ. Въ то же время онъ принялъ мѣры, чтобы истребить культъ мѣстнаго національно-дорійскаго героя Адраста, и перенесъ весь почетъ и жертвы этого культа на злѣйшаго мѣстнаго противника Адрастова, Меланиппа, останки котораго нужно было для этой цѣли перевезти издалека, именно изъ Фивъ. Наконецъ, трагическіе хоры, которые пѣлись въ честь Адраста, онъ отдалъ простонародному богу, Діонису<sup>16</sup>.

Въ разсказѣ Геродота много характернаго. Ясно видна тѣсная связь гомеровскаго эпоса съ бытомъ аристократїи: литература, прославляющая витязей, особенно популярна среди ихъ потомковъ, а врагъ аристократїи старается подорвать именно эту традиціонную опору. Затѣмъ интересно крайне свободное обращеніе правителя общины съ публичными культами и съ самими вѣрованіями народа: онъ вводитъ и отмѣняетъ обряды, перетасовываетъ мѣобы, сочиняетъ новыя священныя имена, замѣняетъ одного святого другимъ. Можно подумать, что самъ онъ—просвѣщенный деспотъ, который ни во что не вѣритъ и распоряжается религіозными символами, какъ обыкновенными административными средствами. Наконецъ, Клизеенъ совершаетъ важныя матеріальныя перестановки. Безъ сомнѣнія, около центровъ культа собирались извѣстныя жертвенныя общества; очень важно было распределеніе между ними храмовыхъ имуществъ и религіозныхъ приношеній. Если реформаторъ лишилъ однѣ общественныя группы ихъ ста-

рыхъ привычныхъ мѣсть соединенія, а другимъ, до тѣхъ поръ, слабымъ и разрозненнымъ, далъ организацію, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ произвелъ крупное перемѣщеніе силъ и капиталовъ въ обществѣ: онъ конфисковалъ имущества однѣхъ корпорацій и наградилъ ими другія. Все это совершалось въ интересахъ классовъ, до тѣхъ поръ отодвинутыхъ организаціей знати; ремесленники и торговцы получили почетныя обозначенія, т.-е., другими словами, организовались въ свою очередь, и ихъ корпораціи приобрѣли вліятельное положеніе въ городѣ—перемѣна, похожая на вытѣсненіе рыцарей коммуной или патриціевъ цехами въ Средніе вѣка.

Нѣкоторыя довольно характерныя вещи мы узнаемъ также о внутренней политикѣ коринѣскихъ Кипселидовъ. Во время господства стариннаго аристократическаго рода Бакхіадовъ въ Коринѣ въ большомъ количествѣ появились привозные рабы. Невольники составили сильную и опасную конкуренцію мѣстнымъ, свободнымъ демиургамъ. Въ качествѣ вождей городскихъ пролетаріевъ тиранны энергично принялись защищать ихъ интересы. Періандръ запретилъ покупку рабовъ; его вниманіе направлено было на то, чтобы у ремесленниковъ и свободныхъ рабочихъ всегда были заказы; онъ организовалъ въ большихъ размѣрахъ постройки и сооруженія въ Коринѣ. Любопытна также финансовая политика Періандра; онъ держалъ большой военный флотъ, велъ войны, окружилъ себя блестящимъ дворомъ и все-таки обходился безъ прямыхъ податей, обременительныхъ для мелкаго рабочаго люда; его главные доходы составлялись изъ таможенныхъ и портовыхъ сборовъ.

Безъ сомнѣнія, тиранны не пренебрегали и внѣшними показными средствами, стараясь снискать себѣ популярностъ. Въ этомъ отношеніи очень характерно имя, присвоенное старшимъ братомъ Клизеена сикіонскаго, Ἴσότημος; оно почти буквально совпадаетъ съ прозвищемъ Egalité, которое выбралъ себѣ принцъ Филиппъ Орлеанскій во время великой революціи.

**Низверженіе тиранніи и социальная реакція.** Политика тиранновъ составляетъ первое въ Греціи организованное выступленіе городской демократіи. Это очень опредѣленный періодъ, приблизительно въ 150 лѣтъ, отъ 60-хъ годовъ VII в. до 20-хъ и 10-хъ годовъ VI вѣка. Во второй разъ, уже безъ монархическаго руководительства, греческая демократія энергично выступаетъ лѣтъ 50—60 спустя послѣ перваго періода подъема, въ 70-хъ и 60-хъ годахъ V вѣка. Первая организація городской демократіи почти всюду потерпѣла неудачу. Тиранны послѣдовательно были низвергнуты въ Сикіонѣ (влѣдъ за смертью Клизеена въ 565 г.), въ Коринѣ, Мегарѣ и, наконецъ, въ Аѣинахъ (въ 510 году).

Послѣ низверженія популярныхъ вождей масса народа по большей части не въ силахъ была удержать въ своихъ рукахъ власть. Можетъ быть, нигдѣ борьба не носила такой рѣзкой формы, какъ въ Мегарѣ. Крестьяне соединились здѣсь съ городскимъ простонародьемъ, изгнали знатныя фамиліи, конфисковали ихъ имущества. Аристократы нашли себѣ пріютъ въ Халкидѣ на о. Эвбеѣ и особенно въ Спартѣ; имъ удалось организовать на чужбинѣ и затѣмъ взять городъ Мегару приступомъ. Со своими противниками они расправились необычайно жестоко: поэтъ Теогнидъ, выражающій чувства высшаго класса, не даромъ собирался «испить черной крови тѣхъ людей, которые отняли у него имущество». Съ тою же ненавистью представители древнихъ родовъ относились къ тираннамъ. Они старались собрать оставшихся отъ стариннаго блестящаго времени кліентовъ своихъ; эти обломки обширныхъ когда-то свитѣ они превращали въ интимныя кружки заговорщиковъ, въ тайныя политическія клубы. Такіе союзы, организованныя аристократіей, назывались до поздняго времени стариннымъ именемъ гетерій. Бесильные одолѣть тиранновъ въ открытомъ бою, они старались напасть изъ-за угла, поразить популярнаго властителя кинжаломъ. Мало того, аристократія идеализировала потомъ участниковъ подобныхъ заговоровъ, восхваляя ихъ стойкость и вѣрность клятвѣ и особенно окружала ореоломъ мученичества тираноубійць. Можно сказать, что прославленіе тираноубійства составляетъ изобрѣтеніе аристократіи.

Впрочемъ, надо также признать, что аристократія сама прошла, въ борьбѣ съ тиранніей, политическую школу. Возвратившіеся къ власти представители знатныхъ родовъ были непохожи на тѣхъ людей, которые въ свое время уступили тираннамъ. Они приобрѣли большую гибкость, изворотливость, научились популярнымъ приемамъ у тиранновъ. Извѣстныя учрежденія, введенныя тираннами, аристократы должны были оставить въ силѣ. Въ Сикіонѣ, напр., послѣ низверженія Орѳагоридовъ еще 60 лѣтъ держалось демократическое устройство филъ, созданное Клисѳеномъ. Мѣстами аристократы вынуждены были входить въ нѣкоторый компромиссъ съ народомъ. Въ Аѳинахъ, послѣ изгнанія тирана Гиппія, Алкмеонидъ Клисѳеень только тѣмъ и одолѣлъ своего соперника Исагора, что привлекъ народъ на свою сторону и постарался затмить демократическую политику низвергнутыхъ тиранновъ своей собственной новой демократической организаціей. Очень любопытно выражается объ этомъ Геродотъ. «Сначала Клисѳеень и Исагоръ, два могущественныя челоѣка, боролись между собой за династическую власть (ἐδυνάστευον), но когда Клисѳеень былъ побѣжденъ, онъ постарался втянуть въ свою свиту (προσαγαίριζετο) народъ» 17.

Стараясь очернить своих побужденных противниковъ, аристократы сами прикидывались народолюбцами. Мы видимъ, напр., что въ Аѳинахъ романическое творчество враговъ тиранніи имѣло большой успѣхъ: они сумѣли прочно водворить легенду о жестокости послѣднихъ тиранновъ изъ дома Писистратидовъ и представить заговорщиковъ, убившихъ Гиппарха, частнаго человѣка, брата правителя Гиппія, идеальными республиканцами, мучениками за освобожденіе порабошеннаго народа.

**Настроенія и теоріи эпохи соціальныхъ столкновеній.** Ожесточенная борьба первыхъ организаторовъ демоса съ аристократіями, полная драматическихъ эпизодовъ, оригинальная политика тиранновъ и своеобразныя фигуры ихъ оставили глубокой слѣдъ въ литературѣ. Прежде всего настроенія эпохи отразились въ политической лирикѣ. До насъ дошли отрывки возбужденной, очень субъективной поэзіи, въ которой сами дѣятели вѣка тиранновъ выражали свои чувства. Сюда относятся враждебныя народу и его вождямъ пѣсни Алкея изъ Митилены и Теогида изъ Мегары. Одно изъ любопытнѣйшихъ произведеній политической лирики представляютъ элегіи Солона, знаменитаго реформатора и вождя аѳинскаго демоса: въ нихъ есть отзвуки начала борьбы противъ аристократіи, вызовъ врагу, и есть торжество побѣдителя, сознание важности совершающагося переворота, его оцѣнка съ высоты завоеванныхъ позицій. Въ то время, какъ Солонъ заявляетъ о необходимости дать права народу, въ стихахъ Теогида слышится непримиримость аристократа: «городъ—все тотъ же городъ, но люди въ немъ стали совѣмъ другіе. Тѣ, что раньше ничего не понимали въ правѣхъ и законѣхъ, ходили въ овчинахъ и, какъ дичь лѣсная, жили за городомъ, вотъ кто теперь, дорогой другъ, попалъ въ благородные (*ἀγαθοί*). А прежняя знать (*ἱσθλοί*) сброшена въ грязь. Можно ли вынести это зрѣлище?» Поэтъ въ ужасѣ отъ наплыва въ городъ деревенщины, которую онъ по-старому зоветъ *κκκοί* (средневѣковое *vilains*); онъ возмущенъ поведеніемъ вождей, которые «развращаютъ народъ и склоняютъ приговоры въ пользу неправды, ради своей корысти или чтобы захватить власть... не долго продержится миръ въ городѣ, поднимутся мятежи и убійства; бѣда, если народу полюбится единоличный правитель (*μόναρχος*)»<sup>18</sup>.

Другой слѣдъ вѣка тиранновъ въ литературѣ—это рассказы о ихъ яркой, иногда трагичной судьбѣ, біографическіе анекдоты, рисующіе ихъ то въ грозномъ, мрачномъ, то въ блестящемъ видѣ, но всегда людьми оригинальными на выдумки, находчивыми и остроумными, хитрыми и дерзкими, возвышающимися надъ толпой. Такими чертами, напр., изображался Періандръ коринѣскій, образецъ многомудраго и безо-

щаднаго тиранна, или его учитель, Орасибулъ милетскій, который обучаетъ младшаго товарища искусству правленія, прогуливаясь съ нимъ по полю и молчаливо сшибая палкой колосья, имѣвшіе несчастье вырасти выше другихъ. Большой интересъ вызывала также личность Клисѣена сикіонскаго, какъ видно изъ разсказа о немъ Геродота. Помимо своего хитраго политическаго строительства, онъ казался еще какимъ-то особеннымъ мастеромъ занимать греческое общество интересными праздниками и состязаніями; въ памяти послѣдующаго вѣка остался блестящій конкурсъ жениховъ, устроенный Клисѣеномъ для единственной дочери своей Агаристы. Наконецъ, много вниманія удѣляла романическая литература аѳинскому тиранну Писистрату: легенда изображаетъ его очаровательнымъ характеромъ, который легко покоряетъ сердца своихъ злѣйшихъ враговъ, ласковымъ, щедрымъ другомъ народа, въ то же время зорко слѣдящимъ, чтобы не дать народу ни тѣни самостоятельности, какимъ-то новымъ Одиссеемъ, нѣсколько разъ въ изгнаніи и на краю полной гибели, въ концѣ-концовъ всегда выбирающимся счастливо, неистощимымъ на выдумки, вплоть до религіознаго маскарада въ видѣ переодѣванія сельской красавицы въ богиню Аѳину, вѣнчающую возвращеннаго съ триумфомъ тиранна.

Геродотъ заноситъ старательно въ свою исторію весь этотъ подборъ новеллъ и романическихъ анекдотовъ. Хотя они относятся къ VII—VI вѣкамъ и на 200—100 лѣтъ старше записи историка, однако мы чувствуемъ по его разсказамъ, что своеобразный литературный жанръ личныхъ характеристикъ такъ же тѣсно связанъ съ временемъ тиранновъ, какъ эпосъ принадлежитъ вѣку героевъ.

**Позднѣйшія сужденія грековъ о тираннахъ.** Къ сожалѣнію, писатели вѣка торжествующей демократіи мало интересовались политической дѣятельностью первыхъ вождей народа и не оставили о ней почти никакихъ свѣдѣній. Фукидидъ, который могъ бы поразсказать многое о Писистратидахъ, ограничивается краткими свѣдѣніями преимущественно личнаго свойства. Въ слѣдующемъ вѣкѣ, когда сложилась школа государственнаго права, и ученые стали интересоваться конституционными теоріями, вопросъ о политической роли старинной тиранніи занялъ видное мѣсто у историковъ и у юристовъ. Но матеріала новаго они уже не могли подобрать; конкретныя картины поэтому замѣнились домыслами и реконструкціями. Какъ всегда бываетъ, судили по современнымъ аналогіямъ; а въ первой половинѣ IV вѣка сильнѣйшее впечатлѣніе во всей Греціи производили бурныя событія Сициліи. Здѣсь кипѣла жестокая борьба классовъ, а среди нея поднимались фигуры мрачнаго военнаго деспота, Діонисія Старшаго, его ничтожнаго сына, Діонисія Младшаго, проигравшаго крупное наслѣдство отца, и въ видѣ

эпилога личность благороднаго Тимолеона, пытавшагося стать выше партій и примирить жестоко разгорѣвшіяся страсти.

По этимъ личностямъ и окружавшей ихъ обстановкѣ въ европейской Греціи судили о старинныхъ тираннахъ и той средѣ, въ которой они дѣйствовали. Историки IV в. добросовѣстно старались нарисовать социальныя отношенія прежняго времени. Они были увѣрены, что и тамъ былъ тотъ же жгучій вопросъ о землѣ и крестьянскихъ надѣлахъ, была та же противоположность богатыхъ и бѣдныхъ, земельныхъ магнатовъ-эксплоататоровъ и разоренныхъ сельскихъ пролетаріевъ, тѣ же революціонныя организаціи, такая же непримиримая ненависть социальныхъ противниковъ другъ къ другу. Среди этой борьбы выдвигались честолюбцы, которые сначала вели народъ за собой, а затѣмъ, опираясь на популярность, захватывали верховную власть; появлялись также честные и безкорыстные посредники, которыхъ враждующія стороны облекали высшими полномочіями для заключенія компромисса, мудрые законодатели и воспитатели народа. Первую изъ этихъ ролей, казалось, играли коринескіе Кипселиды, Писистратъ аѣнскій, вторую—Питтакъ митиленскій и Солонъ аѣнскій. Въ позднѣйшей греческой политической теоріи первые называются собственно тираннами, вторые—эсимнетами (*αἰσιμητῆται*) <sup>19</sup>, что приблизительно подходит къ ветхозавѣтному обозначенію «судей» и можетъ быть передано словомъ «посредникъ».

**Развитіе городского суда.** Эпоха возникновенія городовъ, принесшая жестокіе споры во внѣшнихъ отношеніяхъ, отличается также волненіями и борьбой во внутренней жизни общества. Усилившіеся обмѣнгъ, частыя перестановки въ имущественномъ отношеніи вызываютъ множество споровъ между обывателями города; появленіе иностранцевъ, пріѣздъ чужихъ увеличиваетъ число столкновеній и ссоръ; можно съ увѣренностью сказать, что возросло также количество преступленій среди шума и толкотни торговой жизни, гдѣ появилось такъ много новыхъ соблазновъ. Всѣ эти обстоятельства ведутъ къ развитію суда; въ городѣ бесконечно тянутся разныя разбирательства, и общество проявляетъ къ нимъ очень большой, можно сказать, слишкомъ нервный интересъ.

Эта черта возникающей городской жизни отмѣчена уже у Гомера. Среди цикла картинъ на Ахилловомъ щитѣ яркими красками выдѣляется изображеніе судебной тяжбы и увлеченіе ею народной массы. Большая толпа собирается на сходку. Два челоѣвка спорятъ о выкупѣ за убійствѣ; одинъ увѣряетъ, что уплатилъ приходящійся съ него выкупъ и «объявляетъ о томъ народу»; другой утверждаетъ, что онъ ничего не получалъ. Тяжущіеся рѣшаютъ обратиться къ посредниче-

скому приговору (ἐπι ἵστορι). Народъ (λαοί) дѣлится на двѣ партіи и криками выражаетъ сочувствіе обѣимъ сторонамъ. Пристава (κλήρονας) стараются удержать массу въ порядкѣ; судьи-старцы садятся въ священный кругъ на гладкихъ камняхъ. Они берутъ скиптры изъ рукъ приставовъ, по очереди встаютъ и произносятъ мѣтніе; въ серединѣ лежатъ два золотыхъ таланта, предметъ спора или залогъ, выставленный сторонами <sup>20</sup>. Одно мѣсто Одиссеи—неожиданная прозаическая вставка среди картинъ страшнаго морскаго приключенія—рисуетъ намъ развитіе суда еще съ другой стороны: Одиссей, чтобы не погибнуть въ водоворотѣ, хватается за вѣтви смоковницы, растущей надъ пучиной, и виситъ надъ нею до тѣхъ поръ, пока не выплывають изъ бездны обломки его корабля, а это, по его разсказу, было поздно, «въ такую пору дня, когда судья, разобравъ множество тяжбъ между молодыми людьми, искавшими суда, встаетъ, чтобы уйти изъ засѣданія (ἀγορῆθεν) домой ужинать» <sup>21</sup>. Выраженія здѣсь очень характерны: судебныхъ дѣлъ, видимо, много, обыватели постоянно поднимають процессы, увлекаются сутяжничествомъ, судья каждый день до поздняго вечера исполняетъ свою должность, его занятіе обратилось въ обособившуюся профессію.

Съ другой стороны, судьи теряются въ необыкновенномъ разнообразіи казусовъ, ихъ въ свою очередь обвиняють въ произвольности приговоровъ. Въ новыхъ условіяхъ жизни каждую минуту колеблются древніе обычаи, шатаются патріархальные устои, подвергаются критикѣ установленныя правовыя понятія. Прежній укладъ долженъ во многомъ уступить, надо допустить рядъ измѣненій, и во всякомъ случаѣ приходится заняться тѣмъ, чтобы точно выразить и закрѣпить общепризнанные законы и правила. Синоикизмъ, сосредоточеніе массы народа въ городахъ ускоряетъ реформу. Продолжая дальше картину, нарисованную Гомеромъ, мы можемъ представить себѣ, какъ собираются λαοί, съ шумомъ обступаютъ засѣданія старцевъ, жалуются на произволъ и неясность рѣшеній и приговоровъ и требуютъ точнаго опредѣленія дѣйствующаго права.

**Составленіе городскихъ судебныхъ.** Хотя на первый взглядъ кажется, что писанные законы возникли естественно изъ своеобразныхъ условій городской жизни въ Греціи, однако очень правдоподобно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ заимствованіемъ чужого изобрѣтенія. Такъ же, какъ греки взяли отъ культуры востока монету и метрическую систему, они, повидимому, усвоили изъ практики восточныхъ бюрократій форму записи права, уложенія, заключающаго въ себѣ опредѣленіе судебного процесса, и таксы взысканій. Скольکو можно судить, всѣ эти заимствованія относятся къ 750—650 гг. до Р. Х., т.-е. ко вре-

мени процвѣтанія новоассирійскаго государства, владѣвшаго берегами Леванта. Греки имѣли въ это время прямой и широкій доступъ къ обѣмъ старокультурнымъ странамъ востока, Египту и долинѣ Евфрата. Ассирійскимъ царямъ греки служили особенно усердно; засвидѣтельствовано, между прочимъ, ихъ участіе въ далекой экспедиціи Сенахериба, дѣйствовавшей въ Персидскомъ заливѣ. Въ результатъ воители и торговцы гибкой и переимчивой греческой націи привезли съ востока рядъ новинокъ и практическихъ приспособленій, которыя быстро пошли въ ходъ въ подвижной городской жизни.

Въ греческой традиціи сильно отпечатлѣлся моментъ, когда города приступили къ составленію кодексовъ, а также запомнились имена знаменитыхъ кодификаторовъ, съ которыми связывали потомъ разныя легенды, служившія къ ихъ индивидуальной характеристикѣ. Большое впечатлѣніе оставили два законодателя, дѣйствовавшіе въ западныхъ колоніяхъ: Залевкъ въ Локрахъ (въ южной Италіи) и Харондъ въ Катанѣ (въ Сициліи). Аѣины славились тѣмъ, что ихъ городское право опредѣлили одинъ за другимъ два выдающихся реформатора, Драконтъ и Солонъ. Извѣстны были еще Питтакъ, законодатель Митилены на о. Лесбосѣ и Филолай въ Эвахъ. Реальныхъ представленій о личности законодателей, о характерѣ ихъ работы позднѣйшіе греки уже не имѣли; двое изъ кодификаторовъ, Питтакъ и Солонъ, вошли въ число миѣическихъ семи мудрецовъ древности. Геродотъ (въ серединѣ V вѣка) зналъ о Солонѣ только легенду, которую онъ сплелъ вмѣстѣ съ романической исторіей царя Креза. Появленіе Солона въ Сардахъ историкъ объясняетъ тѣмъ, что мудрый законодатель взялъ съ согражданъ клятву исполнять его законы въ теченіе 10 лѣтъ; послѣ этого онъ отправился странствовать, будто бы для того, чтобы посмотрѣть свѣтъ, а въ дѣйствительности, чтобы избѣжать давленія со стороны согражданъ и не быть вынужденнымъ вносить какія-либо измѣненія въ законы <sup>22</sup>.

**Уголовные законы Драконта.** Благодаря совершенно исключительному случаю, до насъ дошелъ отрывокъ аѣинскаго уголовного законодательства (*νόμοι φονικοί*), редактированнаго Драконтомъ въ 20-хъ годахъ VII вѣка. Въ 409 году, вслѣдъ за низверженіемъ олигархіи, народъ аѣинскій, руководясь желаніемъ найти себѣ опору въ старинныхъ законахъ, постановилъ сдѣлать копію кодекса Драконта; сохранилась одна изъ плитъ этой копіи, на которой удалось прочесть 9 статей, касающихся преслѣдованія убійства <sup>23</sup>. Кромѣ этихъ прямыхъ данныхъ, мы еще располагаемъ сужденіями аѣинскихъ политическихъ и судебныхъ ораторовъ IV в., которые не разъ высказывались о законахъ Драконта. Преобладающее мнѣніе клонилось къ тому, что законодательство это бы-

ло очень жестокимъ; современникъ Демосфена, Демадъ, находилъ, что законы Драконта писаны не чернилами, а кровью; другіе увѣряли, что Драконтъ назначилъ смертную казнь за множество мелкихъ проступковъ, въ томъ числѣ за воровство<sup>24</sup>. Новоевропейскіе ученые большею частью стали на точку зрѣнія противоположную. Среди нихъ распространено убѣжденіе, что Драконтовы законы составляли важный шагъ на пути развитія гуманности и прогресса; между прочимъ, Драконту приписываютъ первую попытку различенія мотивовъ убійства; въ его законахъ будто бы впервые появляются термины и категоріи φόρος ἀκούσιος, убійство невольное, и φόρος ἐκούσιος, убійство намѣренное, умышленное<sup>25</sup>.

Собственно говоря, текстъ, дошедшій до насъ, не даетъ права на такія утвержденія. Новоевропейскіе ученые подступали къ законамъ Драконта съ предвзятой теоріей, въ которой преобладала мысль о неуклонномъ движеніи общества отъ варварства къ гуманности. Мы видѣли, однако, что такой непрерывности не было; старинное религиозное право отличалось большею гуманностью сравнительно съ новымъ военнымъ; кровная месть вовсе не остатокъ дикой древности, а довольно новый, хотя и варварскій институтъ. Что же касается отношенія Драконта къ предшествующему праву, то оно вовсе не такъ просто; прогрессивнымъ его законодательство, пожалуй, можно назвать, но не въ смыслѣ успѣха гуманныхъ чувствъ, а въ смыслѣ усиленія общественной власти.

Въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ есть только статьи, опредѣляющія отношеніе къ убійству неумышленному. Ни изъ чего не видно, чтобы Драконтъ впервые ввелъ различеніе убійства невольнаго и намѣреннаго. Установленіе мотивовъ преступленія, психологическій анализъ дѣла совѣсти, безъ всякаго сомнѣнія, составлялъ давнишнее занятіе религиознаго суда; вѣроятно, въ такомъ разборѣ и заключалось его главное дѣло. Напротивъ, военные люди, принесшіе кровную месть и выкупъ, относились къ мотивамъ убійства довольно безразлично. Съ другой стороны, весьма правдоподобно, что Драконтъ заимствовалъ различеніе мотивовъ убійства, именно изъ религиознаго суда, потому что его зависимость отъ формъ и приемовъ этого суда вообще очень значительна. Она видна въ томъ, что законодатель сѣхрываетъ старинный обычай произносить надъ убійцей публичное отлученіе, въ силу котораго послѣдній лишался покровительства закона и могъ быть безпрепятственно убитъ, если бы появился на территоріи общины. Видна зависимость Драконта отъ религиознаго суда еще въ томъ, что онъ ограждаетъ невольнаго убійцу отъ преслѣдованія родственниковъ и близкихъ убитаго и присуждаетъ его къ изгнанію, типичной формѣ нака-

занія, которую практиковала старинная теократія. Наконецъ, близость Драконта къ религіозному суду видна еще въ томъ, что при отсутствіи родственниковъ къ дѣлу выкупа и примиренія съ убійцей допускаются члены фратріи, т.е. жертвеннаго союза, къ которому принадлежалъ убитый.

Изъ дошедшихъ до насъ статей можно сдѣлать еще одинъ опредѣленный выводъ. Законодатель сталъ въ довольно строгое отношеніе къ военному праву и къ нравамъ, внесеннымъ воителями. Въ кодексахъ запрещается всякаго рода самоуправство. Находящагося въ изгнаніи убійцу, разъ онъ только тщательно избѣгаетъ вступленія на территорію общины, не посѣщаетъ пограничныхъ рынковъ, игръ и праздниковъ, Драконтъ воспретилъ трогать: кто его убьетъ, подлежитъ самъ смерти въ качествѣ убійцы. Законодатель не допускаетъ также злоупотребленій выкупомъ. Такъ, напр., если осужденный за убійство оказался на территоріи общины, его можно убить, но нельзя ни лезвять, ни заставить уплатить выкупъ. Вообще, выкупъ допускается только при единодушномъ согласіи родственниковъ; достаточно протеста одного изъ нихъ, чтобы выкупъ не состоялся.

Данныя эти очень отрывочны, но открываютъ весьма существенныя черты въ строѣ новой жизни, направляемой нравами и понятіями горожанъ. Очевидно, городское общество считаетъ весьма непригодными судебныя и административныя порядки, внесенныя воителями. Въ особенности оно удручено частными расправами, безконечными дуэлями и драками. Поэтому, запрещая самоуправство, законодатель отвѣчаетъ одному изъ настойчивыхъ желаній новаго гражданства. Въ параллель со статьями его закона можно привести обычныя всюду запрещенія являться вооруженнымъ въ народное собраніе. Съ другой стороны, городское общество явно протестуетъ противъ злоупотребленія выкупомъ: надо полагать, что нерѣдко, подъ видомъ требованій выкупа, родственники убитаго тѣснили убійцу и его близкихъ вымогательствомъ. Въ борьбѣ противъ военнаго права городское общество возвращается къ практикѣ религіознаго суда. Оно отстраняетъ родовыя порядки, которыхъ придерживалась аристократія воителей, и вводитъ свои семейныя и общественныя понятія. Большой оравъ родственниковъ воспрещено добиваться выкупа; къ нему допускаются только самые близкіе родные убитаго. За неимѣніемъ ихъ въ выкупъ принимаетъ участіе фратрія, т.е. религіозная корпорація, къ которой принадлежалъ убитый. Вступленіе фратрій въ данномъ случаѣ было также опредѣленной соціальной переимѣной: въ братствѣ преимущественно соединялись люди одинаковаго общественнаго положенія, въ противоположность свитамъ, окружавшимъ магнатовъ, которыя были

построены на іерархическомъ началѣ; коммунальные элементы получили перевѣсъ надъ дружинными.

**Гражданское право Гортинскаго судейника.** Больше всего первыя уложенія греческихъ общинъ были заняты опредѣленіемъ новыхъ частно-правовыхъ отношений. Въ городской жизни право владѣнія и передачи имущества стало очень сложнымъ и запутаннымъ. Съ развитіемъ торговли идетъ гораздо быстрѣ мобилизація владѣній, а, съ другой стороны, разстраиваются родовыя связи, люди обособляются и обостряютъ свои личныя права и требованія. Среди этой новой матеріальной обстановки въ обращеніи появляется очень прихотливая категорія владѣнія, это—живой товаръ, невольники. Старинные обычаи не давали указаній для того, чтобы регулировать пользование этой стороной богатства такъ же, какъ они были бессильны внести порядокъ въ разнообразныя условія перехода и передачи имущества.

Объ установленіяхъ стариннаго гражданского права греческихъ общинъ мы можемъ судить по одному большому цѣльному документу, который вовсе не упоминается въ литературѣ: именно, по кодексу города Гортина (Gortyn) на о. Критѣ. Дошедшая до насъ записъ гортинскаго права относится приблизительно къ 500 году, составляетъ новое законодательство, пересмотрѣнное и утвержденное народнымъ собраніемъ, но въ немъ, какъ можно думать, повторены въ значительной степени болѣе раннія положенія, восходящія къ началу VI или даже къ VII вѣку.

Гортинскій судейникъ былъ написанъ крупными буквами на внутренней сторонѣ большого полукружія, составленнаго изъ камней; это могла быть стѣна большой камеры суда или высокой ограды, замыкавшей площадь, на которой стояли главныя публичныя зданія. Такъ или иначе весь кодексъ былъ постоянно обозримъ для гражданъ, приходившихъ рѣшать свои тяжбы, защищать свои интересы и осуществлять свои притязанія. Фактъ выставленія дѣйствующаго права въ видѣ большой надписи говоритъ намъ очень много. Онъ показываетъ большую оборотливость и интеллигентность городского населенія; надо представить себѣ всеобщую или, по крайней мѣрѣ, очень распространенную грамотность. Затѣмъ видно, что судъ былъ гласный, что онъ служилъ постоянной ареной публичныхъ состязаній, что судья былъ связанъ непрерывнымъ общественнымъ контролемъ. Для характеристики правовъ въ Гортинской общинѣ очень выразительно упоминаніе въ законѣ «камня, съ котораго говорятъ къ народу». Въ общемъ народномъ собраніи на этотъ камень становится тотъ, кто хочетъ совершить усыновленіе, призывая въ свидѣтели весь народъ; на томъ же мѣстѣ—при тѣхъ же условіяхъ—долженъ происходить и отказъ отъ усыновленія.

Гортинское гражданское и уголовное законодательство отличается вполне свѣтскимъ характеромъ. Въ немъ имѣются лишь слабые остатки религіознаго права. Напр., законъ грозитъ порабителю свободнорожденнаго ребенка и чиновнику, который запротоколируетъ это овладѣніе личностью, проклятіемъ, «чтобы земля не приносила ему плодовъ». Вообще же всѣ наказанія матеріальнаго характера, въ судебномъ процессѣ нѣтъ никакой магіи, въ законѣ не упоминается ни о какихъ приношеніяхъ и доляхъ божества, ни о какихъ священннхъ имуществахъ; при усыновленіи пріемный отецъ доставляетъ жертвенное животное и мѣру вина лишь своей гетеріи, т. е. своему цеху или братству.

Гортинскій законъ нѣсколько хаотиченъ и безпорядоченъ, но въ его началѣ стоитъ важное принципиальное рѣшеніе: запрещается самоуправство, самовольный захватъ людей, обращеніе свободныхъ въ рабовъ. Всѣ эти акты должны проходить передъ судомъ; въ случаѣ уклоненія отъ суда судья долженъ слѣдить за возстановленіемъ права, опредѣлить для этого сроки и взыскать штрафы за нарушенія. Есть еще другое принципиальное постановленіе въ законѣ, опредѣляющее обязанности и права судей. «Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ судья рѣшаетъ на основаніи показаній свидѣтелей или оправдательныхъ присягъ (приносимыхъ тяжущимися или обвиняемыми), онъ рѣшаетъ согласно закону, въ другихъ случаяхъ подъ своей присягой онъ судить на основаніи данныхъ процесса». Выраженіе «подъ своей присягой» (*ὑπόμνητα*) можетъ быть вполне передано нашимъ «по своему убѣжденію». Комментаторы Гортинскаго закона справедливо находятъ, что здѣсь старинное греческое право показало себя съ самой блестящей стороны: оно ясно выразило великое правило, что судья долженъ рѣшать дѣла не формальнымъ путемъ, а самостоятельно взвѣсивая всѣ выясняющіяся передъ нимъ данныя. Судья поставлено также требованіе, не затягивать дѣлъ, а приступать къ ихъ разсмотрѣнію немедленно, или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по прошествіи очень короткаго, точно опредѣленнаго срока.

Тѣ же первые параграфы любопытны еще въ иномъ отношеніи. Горожане для расширенія своихъ промысловъ жадно ищутъ рабочихъ-невольниковъ. Вполнѣ свободно могутъ они забирать осужденныхъ преступниковъ и должниковъ, за несостоятельность попавшихъ въ кабалу. Но, видимо, этого элемента хозяевамъ мало, и они устраиваютъ облавы на рабочихъ, перебиваютъ чужихъ рабовъ, забираютъ свободныхъ людей, дерзко объявляя ихъ своими рабами, такъ что нужны свидѣтели и большая настойчивость со стороны судьи, чтобы въ такихъ случаяхъ возстановить правду. Промышленное общество въ этомъ отношеніи усвоило себѣ военное право; недаромъ, осужденный назы-

вается въ кодексѣ «побѣжденнымъ» (υπερχημένως) <sup>26</sup>. Большая часть параграфовъ кодекса занята вопросами о переходѣ имущества по наследству или при раздѣлахъ родственниковъ, или при разводѣ супруговъ. Раздѣлы и разводы, это—явленія, въ одно и то же время и очень частыя, обыденныя, и очень волнующія, беспокоящія общество. Для развода нѣтъ никакихъ препятствій; въ связи съ нимъ возникаютъ только матеріальные вопросы о размежеваніи капитала, недвижимости и доходовъ. Видимо, коммерческій духъ, жажда наживы бурно вторглись въ эту среду, старая семья разваливается, выступаетъ на сцену очень нервная, требовательная личность. Мобилизація имущества громадна, и въ этомъ водоворотѣ каждый хочетъ выдѣлить свою отчетливую долю; никто не желаетъ слышать о совмѣстномъ общемъ владѣніи. Промышленный индивидуализмъ, между прочимъ, создалъ очень самостоятельное правовое положеніе женщины. Замужняя женщина сохраняетъ право собственности на присвоенное ею имущество; хотя мужъ получаетъ управленіе и пользованіе этимъ имуществомъ, но не можетъ имъ распоряжаться, ни продавать, ни отдавать его въ залогъ, ни раздѣлить его между дѣтьми. Въ случаѣ развода женщина обезпечена опять-таки хорошая доля имущества. Она можетъ даже получить половину дохода съ общаго имущества, своего и мужа, рядомъ съ половиной того имущества, которое она сама заработала, буквально «выткала» во время своего замужества. Последнее условіе очень характерно: оно показываетъ, что горожане отвыкли отъ мысли о неподвижно лежащихъ цѣнностяхъ; они не представляютъ себѣ, чтобы приданое, принесенное въ началѣ замужества, было только проѣдено или изношено; нѣтъ, оно должно было пойти въ дѣло, въ промыселъ, принести прибыль. Въ общемъ кипѣніи промышленной жизни, въ быстромъ обмѣнѣ, во всеобщемъ стремленіи къ наживѣ женщины такъ же активны, какъ и мужчины.

Общинныя власти стараются вырѣзать себѣ хорошую долю изъ столкновенія матеріальныхъ интересовъ, изъ безконечныхъ тяжбъ и судебныхъ процедуръ: параграфы гортинскаго кодекса такъ и несутся штрафами, которые полагаются за разныя правонарушенія. Можно себѣ представить, что этотъ доходъ придавалъ весьма солидный видъ городскимъ финансамъ.

Меркантильный, расчетливый, безпокойный вѣкъ глядитъ на насъ съ этой большой гортинской надписи. Здѣсь живутъ спѣшно, старыя связи большею частью разорваны, родственники относятся другъ къ другу холодно и безпощадно. Но, какъ всюду и всегда въ Греціи, рядомъ съ явленіями крайне передовой жизни держится полудикая старина. Напр., гортинскій кодексъ узаконяетъ въ извѣстныхъ случаяхъ

подкидываніе ребенка и, повидимому, не очень строго относится къ самому выбрасыванію младенца, если не оказалось отца и нѣтъ средствъ кормить новорожденного. Въ смыслѣ архаизма, среди все подрывающей капиталистической горячки, поразительно сохраненіе института дочерей-наслѣдницъ. Въ самомъ дѣлѣ, отъ старой семьи, ея хозяйственнаго коммунизма, ея принудительнаго общенія очень мало осталось: сынъ легко выдѣляется отъ отца, и на его личный заработокъ семья не имѣетъ права; со смертію отца наступаетъ полный и окончательный раздѣлъ имущества между наслѣдниками и, однако, среди этого торжества экономического индивидуализма, съ необычайнымъ стараніемъ проводятъ старинное правило, обязывающее единственную дочь умершаго наслѣдодателя выйти замужъ за своего старшаго дядю или его сына, при чемъ, въ случаѣ неимѣнія таковыхъ, устанавливается градація родственниковъ и близкихъ вплоть до членовъ филоу, къ которой принадлежитъ наслѣдница. Такимъ образомъ въ сферу свободныхъ переходовъ имущества вторгается древній принципъ, вытекающій изъ культа предковъ, принципъ религіозный, въ силу котораго мужская линія не должна прекращаться, и замужество единственной дочери-наслѣдницы составляетъ фикцію непрерывности патріархальнаго мужского рода.

**Нравственные понятія городского общества.** Въ городскомъ законодательствѣ необычайно ярко отразились интересы, наклонности, привычки, вкусы и требованія возникающей греческой буржуазіи. Понятія вновь сложившихся классовъ рѣзко расходятся съ моралью героевъ и ихъ дружинъ. Вотъ, напр., мы слышимъ, что рядъ законодателей (Залевкъ въ Локрахъ, Питтакъ въ Митиленѣ, Солонъ въ Аѣнахъ) запрещаютъ пышныя похороны, которыя были въ обычаѣ у знати, хоры наемныхъ плакальщицъ, сожженіе вмѣстѣ съ умершимъ массы сокровищъ. Витязи съ ихъ случайно доставшимися неумѣренно захваченными богатствами, были склонны къ грандіозно безумнымъ, нераціональнымъ тратамъ. Организовавшіеся вновь купцы и демиурги, напротивъ, расположены къ бережливости; въ тѣсной городской жизни вырабатывается нѣкотораго рода экономической аскетизмъ: сокращаютъ выдачи на общественные праздники, запрещаютъ хожденіе знатныхъ дамъ со свитами по улицамъ, пытаются прекратить неумѣренное питье вина. Съ другой стороны, новое городское общество не любитъ попрошайства и праздношатанія: по словамъ Геродота, Солонъ воспретилъ особымъ указомъ въ Аѣнахъ нищенство <sup>27</sup>.

Въ индустріальной средѣ слагается свой взглядъ на воспитаніе подрастающихъ поколѣній, соответственный идеѣ труда. Онъ выразился въ разсказѣ о томъ, что будто бы Солонъ издалъ законъ, ко-

торымъ воспрещалось отцу требовать въ старости пропитанія отъ сына, разъ онъ не научилъ послѣдняго никакому ремеслу. Весьма мало правдоподобно, чтобы такой законъ стоялъ дѣйствительно въ кодексѣ; очевидно, въ число предписаній знаменитаго законодателя включили моральное требованіе, получившее большую бытовую силу: оно ярко рисуетъ настроеніе демиурговъ, столь непохожее на мечты обогащенія витязей, выраженныя словами Ахилла: «Все можно взять грабежомъ, быковъ, тучныхъ овецъ, металлическіе котлы и золотистыя гривы коней». Настроеніе это, напротивъ, приближается къ трудовой и скупохозяйственной морали Гесіода, съ той только разницей, что Гесіодъ протестуетъ пассивно противъ войны и захватовъ, тянется къ какой-то сельской тихой идилліи во вкусѣ старины; тогда какъ въ идеологіи пробуждающейся греческой буржуазіи на первомъ мѣстѣ неутомимая погоня за наживой, жесткая и суровая конкуренція съ ближнимъ.

**Развитіе рационализма.** Тутъ склонны гораздо меньше отдавать мѣста фантазіи, игрѣ, эстетикѣ. Съ утратой вкуса къ яркой красочности, изящной выдумкѣ появляется сухое рационалистическое отношеніе къ мифологіи, которую такъ любило общество предшествовавшей эпохи. Новые поэты, слѣдуя аскетической модѣ городского общества, стараются очистить старинныя эпическіе рассказы отъ чувственныхъ элементовъ, по ихъ мнѣнію безнравственныхъ. Стесихоръ, напр., который перерабатывалъ мифологическіе сюжеты для хоровъ, не могъ допустить мифа о похищеніи прекрасной Елены въ его гомеровскомъ видѣ. Одно изъ двухъ: или оставалось признать, что героиня была преступницей, но тогда въ сказаніи заключена безнравственная идея, или же сказаніе въ той формѣ, какъ оно передается, ложно и подлежитъ переработкѣ. И Стесихоръ даетъ сюжету другой оборотъ: очевидно, боги подарили похитителю Парису лишь обманчивый призракъ, тѣнь жены Менелая, и Елена вовсе не послѣдовала въ Трою; но ея не было и дома; она прожила время осады въ далекомъ Египтѣ. Стесихоръ отрицалъ также чудеса превращенія: богиня Артемида не могла превратить героя Актеона въ оленя, какъ рассказываетъ мифъ: она бросила на Актеона оленью шкуру, а собаки, принявъ его за звѣря, растерзали его.

Еще дальше идутъ философы, т.-е. богословы, пытающіеся внести систему и логичность въ религиозныя понятія. Ксенофанъ объявляетъ рассказы Гомера о богахъ глубоко безнравственными, считаетъ его развратителемъ народа. Народныя вѣрованія кажутся ему грубыми и матеріалистическими: каждое племя рисуетъ себѣ боговъ по своему человѣческому подобию. Въ, особенно рѣзкое критическое отношеніе къ стариннымъ сказаніямъ становятся такъ называемые логографы, продолжатели эпоса въ прозѣ. Логографы впервые появились

въ Іоніи, родинѣ эпоса, странѣ культуры передовой благодаря своей близости къ просвѣщенному востоку. Уже составители эпоса обнаружили большой историческій и географическій интересъ: нѣкоторыя части эпоса носятъ характеръ мореходныхъ и этнографическихъ поученій; видимо, составители поэмъ путешествовали сами и въ своихъ перѣздахъ собирали всякаго рода мѣстныхъ свѣдѣнія и сказанія, интересовались странами, племенами и происшествіями въ предѣлахъ доступнаго имъ міра. Еще большее преобладаніе получилъ географико-историческій интересъ у логографовъ. Они обращались, однако, къ нѣскольکو иной публикѣ. Хотя эпическія поэмы были съ самаго начала записаны, но распространеніе ихъ совершалось, главнымъ образомъ, устнымъ путемъ. Рапсоды пѣли и декламировали публично, на большихъ пиршествахъ или на площади, среди народныхъ праздниковъ. Логографы писали въ прозѣ, слѣдовательно, къ декламации не предназначали своихъ произведеній: ихъ читатели составляли группы общества болѣе развитыя, публику избранную. Появленіе этого вида литературы въ извѣстной степени образуетъ начало разъединенія общества въ умственномъ отношеніи на группу интеллигенціи и народа. Здѣсь, въ новой, болѣе тѣсной средѣ и сказывается особенно критическое отношеніе къ традиціи.

Крупнѣйшій представитель литературы логографовъ—Гекатей изъ Милета, жившій къ концу VI вѣка. Его произведенія начинались такими гордыми словами: «Я записываю то, что мнѣ представляется истиной; сказанія же эллиновъ многочисленны, и, какъ мнѣ кажется, смѣшны». Его приемы критики видны изъ слѣдующаго сохранившагося отрывка его книги. Гекатей останавливается на извѣстномъ разсказѣ о томъ, какъ Гераклъ, по приказу царя Эвриссея, нисходилъ къ Аду, повелителю мертвыхъ, и притащилъ изъ преисподней страшнаго пса смерти Кербера; какъ истый изслѣдователь, Гекатей наблюдалъ на мысѣ Тенарѣ пещеру, черезъ которую Гераклъ будто бы входилъ въ подземелье. Въ глазахъ Гекатея вся исторія—сказка, передаванія въ ней происшествія невозможны; онъ уже не вѣритъ въ существованіе боговъ подъ землею. Притомъ онъ сдѣлалъ эмпирическое, трезвое замѣчаніе по поводу пещеры: она не особенно глубоко вдается въ гору. Какой же его выводъ? Гекатей не отбрасываетъ всего разсказа, а перефразируетъ его и сводитъ на обыденные размѣры. Онъ принимаетъ содержаніе, но старается устранить, отбросить искажающую шелуху. Гераклъ для него—историческая фигура. Въ пещерѣ, говоритъ онъ, жила ядовитая змѣя. Такъ какъ ея укушеніе вызывало смерть, т.-е. приводило всякаго неукоснительно въ адъ, а укушеніе также напоминаетъ собакъ, змѣю прозвали адскимъ псомъ. Вотъ это опасное живот-

ное Гераклъ схватилъ живьемъ и принесъ къ Еврисею. Таково естественное событіе, которое нелѣпая народная молва, введенная въ заблужденіе названіемъ адскаго пса, обратила въ смѣшную сказку»<sup>28</sup>.

**Начало исторической науки.** Произведеніе Гекатея не представляло лѣтописи, хронологическаго изложенія всемірной исторіи, оно было географическимъ обзорѣніемъ, при чемъ для каждой упоминаемой мѣстности или города онъ старался установить связанныя съ ней легенды, опредѣлить ея происхожденіе, разсказать любопытныя происшествія и достопримѣчательности. У логографовъ факты и замѣчанія группировались главнымъ образомъ около того, что греки называли *κτίσεις*, т.-е. основанія городовъ, и *εὐρήματα*, т.-е. изобрѣтенія. Въ послѣднюю группу отводили различные общіе вопросы, которые интересовали пробуждающуюся критическую мысль: какъ возникли техническіе инструменты, вѣсъ и деньги, виды искусства, кто ихъ изобрѣтатели. Это были вопросы историческіе и вмѣстѣ съ тѣмъ психологическіе: опредѣляя мотивы изобрѣтеній, изслѣдователи старались выяснить смыслъ человѣческихъ установленій и процессъ человѣческаго творчества. Отъ такой манеры разсказа и описанія не ушелъ въ сущности и Геродотъ. Въ большой общій разсказъ о столкновеніяхъ азіатовъ и европейцевъ онъ вставляетъ массу частныхъ эпизодовъ, относящихся къ городамъ, областямъ и народамъ, которые приходится упоминать. По поводу острова Самоса и большого отступленія, посвященнаго ему, Геродотъ считаетъ нужнымъ оправдаться: «я останавливаюсь подробнѣе на судьбахъ самійцевъ, потому, что ихъ община обладаетъ тремя достопримѣчательностями, превосходящими все, что имѣется у грековъ: въ Самосѣ крупнѣйшій водопроводъ, громадная набережная на протяженіи всего порта и величайшій храмъ (богини Геры), построенный мѣстнымъ архитекторомъ Ройкомъ, сыномъ Филея»<sup>29</sup>. Вѣроятно, Геродотъ слѣдуетъ здѣсь формамъ, которыя были приняты у логографовъ.

Постановка историко-психологическихъ вопросовъ у логографовъ обыкновенно весьма наивна, но интересно и важно то, что они подвергали обсужденію большой кругъ вопросовъ. Между прочимъ, были поставлены проблемы происхожденія человѣческаго языка и вопросъ о томъ, какой языкъ древнѣе всѣхъ, а отсюда и о томъ, какой народъ древнѣйшій на землѣ. По этому поводу есть любопытный разсказъ у Геродота, который считаетъ нужнымъ поправить болѣе старинную, какъ ему кажется, нелѣпую версію, составленную греками. Можетъ быть, старинная форма принадлежитъ Гекатею или кому-нибудь изъ его современниковъ; она состоитъ въ слѣдующемъ.

Египтяне считали себя изстари древнѣйшимъ народомъ на свѣтѣ. Но это убѣжденіе было поколеблено послѣ научнаго опыта, сдѣланнаго

царемъ египетскимъ Псамметихомъ. Царь велѣлъ взять нѣсколько дѣтей и отдать ихъ на воспитаніе женщинамъ, у которыхъ предварительно вырѣзали языки, чтобы онѣ не могли сообщить дѣтямъ рѣчи. (Вотъ эта подробность о безсловесныхъ нянькахъ не нравится Геродоту, и онъ замѣняетъ ихъ пастухами, которые приходятъ кормить дѣтей, живущихъ въ полномъ одиночествѣ.) Дѣти росли до 2 лѣтъ, не слыша голоса человѣческаго. Цѣль опыта состояла въ томъ, чтобы подмѣтить первые звуки, которые они произнесутъ. Когда къ нимъ пришли въ первый разъ, дѣти стали протягивать руки, очевидно прося пищи, и кричать: бекъ, бекъ. Самъ царь провѣрилъ это явленіе и велѣлъ разслѣдовать по всѣмъ ему извѣстнымъ странамъ, не имѣетъ ли какой-либо народъ въ своемъ языкѣ похожее слово. Узнали, что у фригійцевъ βέκος значить хлѣбъ: отсюда царь сдѣлалъ заключеніе, что языкъ фригійцевъ ближе всего къ естественному, т.е. первобытному языку, а затѣмъ былъ полученъ дальнѣйшій выводъ, что фригійцы, находящіеся въ обладаніи самаго стариннаго языка, являются самымъ древнимъ народомъ на свѣтѣ <sup>30</sup>.

Египетскій Псамметихъ въ этомъ разсказѣ, конечно, лицо вполне романтическое, весь опытъ—фантазія резонирующаго греческаго рационалиста, и это тѣмъ болѣе, что фригійцы, жившіе въ сѣверо-западномъ углу Малой Азіи, больше занимали грековъ, чѣмъ египтянъ. На основаніи этой новеллы, такъ же, какъ вышеприведеннаго анализа міаа у Гекатея, мы можемъ въ извѣстной степени представить себѣ бесѣды интеллигентныхъ людей греческаго общества VI вѣка и тѣ приемы просвѣтительства, которые были тогда въ ходу. Въ средѣ подвижныхъ горожанъ, разсудительныхъ, прозаичныхъ, склонныхъ къ пропіи, могли получить подготовку смѣлыя рационалистическія головы въ родѣ Клисѳена сикіонскаго. Вполнѣ усвоивъ себѣ критическое отношеніе къ міаамъ, съ которыми было связано почитаніе мѣстныхъ приходскихъ святыхъ, а также старинныя организациі политическихъ союзовъ, законодатель этой школы могъ смотрѣть на политическое устройство, какъ на соединеніе болѣе или менѣе искусно придуманныхъ механическихъ приемовъ: мало того, онъ рѣшился самъ на перестановки и оригинальныя изобрѣтенія въ области священныхъ именъ и религиозной символики.

<sup>1</sup> Пять афинских судебных мѣстъ описаны въ рѣчи Демосоена противъ Аристократа 65—79. <sup>2</sup> Объ этомъ обширное историко-географическое изслѣдованіе V. Bérard, Les pheniciens et l'Odyssee, 1902—3. <sup>3</sup> Илиад. II, 856—7. <sup>4</sup> Одис. VI, 4—10. <sup>5</sup> Cicer. de republ. II, 4. <sup>6</sup> Эук. I, 27. <sup>7</sup> Th. Reinach, Histoire par les monnaies, 1902; ch. II. <sup>8</sup> Герод. I, 94. <sup>9</sup> Aristot. fr. 481 ed. Rose. <sup>10</sup> Гер. II, 167. <sup>11</sup> Гортинскій судебникъ изд. I. Kohler, E. Ziebarth, 1912, p. 32. <sup>12</sup> Гер. III, 57. <sup>13</sup> Эук. II, 15. <sup>14</sup> Этотъ терминъ у Аристотеля въ очеркѣ афинской конституціонной исторіи прилагается къ выдающимся политикамъ Афинъ, начиная отъ Солона. <sup>15</sup> Эук. I, 13. <sup>16</sup> Гер. V, 67—8. <sup>17</sup> Гер. V, 66. <sup>18</sup> Theogn. elegiae, ed. Ziegler, 41—58. <sup>19</sup> Арист. Политика III, 9 (14). <sup>20</sup> Илиад. XVIII, 497—508. <sup>21</sup> Одисс. XII, 439. <sup>22</sup> Гер. I, 29. <sup>23</sup> Текстъ отрывка, переводъ и комментарий къ нему въ Rec. d. inscript. jurid. grec. p. Dareste Haussouiller Reinach II série 1 fasc. <sup>24</sup> Плутарх. бюгр. Солон 17. <sup>25</sup> Таковъ между прочимъ взглядъ ученыхъ комментаторовъ вышепривед. изд. законовъ Драконта. <sup>26</sup> Гортинскій судебникъ изд. Kohler Ziebarth II, 1 p. 4. <sup>27</sup> Гер. II, 177. <sup>28</sup> Müller, Fragm. hist. graec. I, 122. <sup>29</sup> Гер. III, 60. <sup>30</sup> Гер. II, 2—3.